

16+

Вадим Сухачевский

АПОКРИФЪ

Исторический детектив

Вадим Сухачевский

Апокрифъ

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сухачевский В. В.

Апокрифъ / В. В. Сухачевский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Исторический детектив. Николай II вскрывает письмо, оставленное ему 100 лет назад императором Павлом, и вдруг в ужасе швыряет его в камин... Далее мы переносимся в павловскую эпоху. Детективная линия идет на фоне другой линии - подготовки заговора против Павла. Действие романа охватывает период в 100 лет.

© Сухачевский В. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ ЮРИЯ ВАСИЛЬЦЕВА, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ТАЙНОГО СУДА

Из кучи папок, оставшихся мне от покойного архивариуса Борисочкина, я на сей раз выбрал еще одну, ее содержимое показалось мне крайне любопытным. Рукописей там было две, одна крохотная, обе незаконченные, одна, маленькая, представляющая собой скорее наброски, сделанные рукой моего отца, Андрея Васильцева, другая – разросшаяся в целый роман, написанный моим дальним родственником Петром Аристарховичем Васильцевым, состоявшим (прежде, чем получить революционную пулю в затылок) в звании действительного статского советника.

Как удалось бедному Борисочкину сохранить этот прах веков от всех бурь, отбушевавших над планетой, остается только гадать.

Я лишь позволил себе разложить листы по-своему, окольцевав роман двумя обрывками из рукописи отца.

Роман П. А. Васильцева содержит в себе некий небезынтересный, по-моему, апокриф, осмыслить который пока не берусь – быть может, настанет и для этого время. Покуда же, как говорится, за что купил, за то и продаю. Одно лишь могу сказать с уверенностью: появившейся в этом романе князь Никита Васильцев – вовсе не плод авторского воображения, он уже не раз предстал в наших семейных преданиях; во всяком случае, это именно он еще тогда, на рубеже XVIII и XIX веков избавил наш род от обременительных имений, так что далее мы, Васильцевы, шагали уже налегке.

Что, возможно, и к лучшему.

Ю. Васильцев, 1958 год.

Вместо пролога

Из записей Андрея Васильцева

(1-е января 1900 года)

– Тайна! Великая тайна прошлых столетий и наступающего века!

– Вековая тайна будет раскрыта! Подробности в завтрашнем выпуске «Санкт-Петербургских ведомостей»!.. Полторы копейки, ваш-благородь. Мерси.

* * *

Хворобный петербургский мороз вползал под воротник, прихватывал исподнее. На Анничковом мосту дворник подбирал лопатой навозные яблоки, оброненные проехавшим мимо экипажем. Они были уже тверды, как ядра, и попадали в ведро с металлическим звоном, будто оставленные бронзовыми конями, вздыбившимися поблизости. Даже навоз здесь мгновенно терял запах и все признаки своего живого, в тепле, происхождения.

Я шагал к Зимнему дворцу, подгоняемый крайним любопытством. Чтб, чтб окажется в этом пакете столетней давности, который, по завещанию своего пращура, не далее как сегодня в полдень вскроет нынешний император? Так и начертано было на том пакете рукой императора Павла: «Вскрыть ровно через 100 лет».

...проходя сквозь длинную анфиладу залов Зимнего дворца. Приглашенные невысокого сорта, к числу коих был отнесен и ваш покорный слуга, притихнув от торжественности предстоявшего момента, двигались тесным строем в сопровождении величаво безмолвного дворецкого. Здесь были известные журналисты, профессора-историографы, статские и действительные статские советники (не выше), провинциальные архиереи и губернаторы.

Белые двери у входа в самые чертоги были закрыты. Перед ними уже томились ожиданием камергеры в парадных, шитых золотом мундирах, несколько митрополитов, три католи-

ческих кардинала, военные и статские генералы высокопревосходительских чинов. Эти, когда ведомая дворецким процессия приблизилась к дверям и замерла, теперь с явным неудовольствием разглядывали подошедшую людскую мелочь и держались особняком.

Дворецкий распахнул двери в следующий зал и подал всем знак следовать за ним. Но и то, как оказалось, были всего лишь чертоги пред чертогами. Здесь, перед еще одними закрытыми дверьми, сидели в креслах князя императорской крови, послы великих держав и высшие сановники империи, включая всегда хмурого ликом графа Плеве и слегка ироничного Витте. Теперь, уже под их взглядами, персоны из первой залы поникли, явно ощутив и свою недостаточную человеческую значительность.

– Господа, – громко обратился к присутствующим осанистый обер-камергер – судя по всему, главный на сегодня церемониймейстер. – До назначенного известного события осталось не более пяти минут. Прошу всех оставаться в этой зале и сохранять приличествующую случаю тишину. Его и ее императорские величества, их императорские высочества и господа чиновники-хранители Тайной канцелярии войдут в эту залу (он указал на следующую дверь, украшенную державным орлом) с другой стороны. Затем в залу будут допущены лишь лица, имеющие приглашения первой категории.

Принцы, министры и послы победоносно переглянулись, остальные приниженно попятились назад, высокопревосходительства начали кивать просто превосходительствам, словно сейчас только их заметив, а один знакомый полковник-флигельадъютант даже вашего покорного слугу удостоил демократического рукопожатия.

– Остальные приглашенные, – продолжал церемониймейстер, – смогут наблюдать за происходящим из этой залы через дверь, коя сейчас будет открыта. Господа фотохроникеры, попрошу вас зажигать магний не иначе как по моему мановению. К прочим господам просьба не заступать далее вот этого ковра, не заслонять друг другу обзор и соблюдать должную выдержку.

Фотохронисты начали расставлять треноги, а «прочие господа» отступили еще дальше от кромки ковра и, сбившись в кучу, уже совершенно не чинясь, стали перешептываться друг с другом.

– И здесь не могут без иерархии, – вздохнул один, с нафабранными усами. То был журналист по фамилии Коваленко, известный своими либеральными взглядами, борец за равноправие инородцев и иноверцев, печатавшийся также под именем Аввакум Иконоборцев. – Когда уж, ей-Богу, цивилизуемся наконец?

– Что тут скажешь! Россия-матушка во всей своей, как всегда, варварской красе! – отозвался козлобородый журналист Мышлеевич, стяжавший больше известность статьями монархического, патриотического и противоинородческого содержания.

– Да уж, у нас это... – согласился Иконоборцев-Коваленко и безнадежно махнул рукой – должно быть, на всю необъятную империю, до самого Тихого океана.

– В жизни бы не пришел, – говорил какой-то господин, по виду явно профессор своему столь же академического вида коллеге, – если б не научный интерес. Чувствую – наконец-таки откроется... Поверите – сорок лет ждал!

– Вы что ж, Савелий Игнатьевич, никак, имеете какое-то представление?

– Догадываюсь, милейший, давно уже имею довольно веские догадки. Известно, что именно при Павле часть архива сделали сверхсекретной, мыш не прошмыгнет. А все дело в Лжедмитрии. Читали в «Историческом вестнике» мою последнюю статью на сей счет? Увидите – сегодня-то и вскроется. Если, конечно, опять не захоронят, как у них принято, под семью печатями.

– Думаете, Лжедмитрий?

– Ну да! Только никакой он не «Лже»! Не было никакого Лже, никакого Гришки Отрепьева! И Тушинского Вора не было! Был законный государь Димитрий Иоаннович. А его

трехгодовалого отпрыска, последнего законного Рюриковича, Романовы, назвав Воренком, повесили на Спасских воротах. Вы почитайте, почитайте в «Вестнике». Цензурой, правда, помарано, но в целом понять можно.

– Вы хотите сказать?.. Начет Романовых..

– Именно! Проклятая династия, наподобие Капетингов! Вспомните, как Павел кончил. Должно быть, предчувствия мучили, вот и оставил предостережение. Еще погодите что будет! Если доживем, попомните мои слова...

– Т-сс, Плеве смотрит...

– Да я ж – ничего. Чисто научные изыскания...

Позади перешептывались два статских советника:

– ...Точно вам говорю, какое-нибудь масонство: астрология какая-нибудь, предначертания... Павел, известно, на этом был подвинут, и сам был масонский магистр.

– Мальтийский, вы хотите сказать?

– По мне, одно. А меня вот нынче Елизавета Аркадьевна из «Мариинского» на прогулку в Гатчину приглашала, да никак нельзя – зван, вишь, во дворец.

– Погодите, вон зашевелились, кажется...

В самом деле, обозначилось некоторое движение. Церемониймейстер чуть отступил от дверей, а к дверям торжественно подошли и встали возле них навытяжку два рослых ливрейных лакея. Первостепенные особы, начиная с Плеве, стали подниматься из своих кресел, господ из разряда «прочих» теснились за кромкой ковра. Я, проявив большую, чем другие, расторопность, успел занять место во втором ряду; в первый ряд успели выскочить оба журналиста, еще более, чем я, расторопные.

В открывшейся огромной зале горел камин, перед ним, замерев как изваяния, уже стояли три чиновника-хранителя Тайной государственной канцелярии в золоченых мундирах, и тот, что в центре, держал наготове золоченый подносик, на котором возлежал тот самый, вероятно, конверт и ювелирной работы ножичек для разрезывания бумаги. Церемониймейстер вошел в залу и занял место рядом с ними, туда же проследовали принцы, министры, послы.

– Господа, – обратился церемониймейстер к присутствующим, – в оставшиеся минуты я уполномочен его императорским величеством... – Затем он принялся длинно и витиевато излагать историю конверта, без того в деталях, наверняка, известную всем здесь.

Охваченный напряжением, я все-таки левым глазом увидел через плечо стоявшего передо мною Коваленки-Иконоборцева, как тот судорожно строчит карандашом в блокноте:

«...И вот, находясь в самой цитадели нашего самодержавия... (Неразборчиво.) ... Неужели мыслящие люди сейчас, на пороге нового столетия... (Неразборчиво.) ...каких-то невразумительных тайн, идущих из тьмы средневековья?.. (Зачеркнуто.) ...Мы, для кого даже недавняя ходынская трагедия остается под завесой тайны... (Тут же зачеркнуто, вымарано густо, чтоб – никто, никогда!) ...Будто не было веков просвещения... (Неразборчиво.) ... Нет, не Белинского и Гоголя... мы с этой ярмарки людского тщеславия, где все расписано по чинам... (Далее сплошь неразборчиво.)»

Зато справа Мышлеевич писал в свой блокнот крупно и ровно, без помарок:

“И вот близится минута, которой все Великое Отечество наше, “от хладных финских скал до пламенной Тавриды”, с такою надеждой и трепетным нетерпением...”

«Все изолгут», – пришел я к безрадостному заключению.

Свой пространный монолог, начатый без спешки, велеречиво, церемониймейстер закончил уже второпях, затем вдруг вытянулся струной и провозгласил, словно вырубая каждое слово на граните:

– Его императорское величество Николай Александрович! Боже, царя храни!

Словно сам по себе, полыхнул магний с треног фотохроникеров.

– Государь! – как-то тоже само собою, без открытия ртов выдохнулось толпой.

Его императорское величество в преображенной форме, отлично сидящей на его ладной, атлетичной фигуре, с голубой Андреевской лентой через плечо быстрой гвардейской походкой спускался в зал по боковой лестнице. В тишине отчетливо слышался ровный стук его сапог по мраморным ступеням. За ним не столь быстро следовали остальные члены императорской семьи.

СЛЕВА:

“...в то время, когда страждущие окраины России ждут от власти... (Зачеркнуто.) ... когда лучшие умы страны, разбуженные прошлыми, так и захлебнувшимися реформами, ждут новых конституционных... (Вымарано, вымарано!)”

СПРАВА:

“...невзирая на торжественность минуты, Его строгое молодое лицо, счастливо соединившее в себе чисто русскую решительность и европейское изящество черт..”

Его величество не обратил никакого внимания ни на орду наблюдающих, ни на вспышки магия. Тем же твердым шагом он подошел к стоявшему в центре чиновнику-хранителю, взял с подноса конверт, внимательно осмотрел, не вскрывались ли мальтийские печати, – чиновники от неподвижности казались восковыми куклами, – остался, кажется, доволен, затем с того же подноса взял миниатюрный кинжальчик. Показалось, что плотная бумага ахнула от надреза.

Государь (разворачивая большой лист; ни на кого, по своему обыкновению, не глядя). Терпение, господа. Я должен сперва сам ознакомиться... (Начинает читать.)

СЛЕВА:

“...Покуда верноподданное чиновничество не смеет шевельнуть затекшими суставами, попробуем-ка и мы, грешные... (Неразборчиво.)”

СПРАВА:

“...в благоговейном трепете застыв от величественности происходящего...”

РУКОПИСЬ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СТАТСКОГО СОВЕТНИКА

П. А. ВАСИЛЬЦЕВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Сны и бодрственные треволнения одной долгой осенней Санкт-Петербургской ночи 1799 года

[I] Граф Литта, последний комтур Ордена св. Иоанна Иерусалимского, 78 лет

...Странствуя по Аравийской пустыне и увидя благословенный Господом замок сей...

“Боже правый! Я брежу, наверное!”

Осознание глупости этих слов, навеянных дремой, окончательно выдернуло графа из полусна. Из какой Аравийской пустыни (в коей, к слову, граф никогда и не был) можно узреть что-либо на этих северных берегах, где зимой плевков обращается в камень, не успев долететь до земли?

Однако же с чего-то надобно начинать завтрашнюю *le comédie*, завершение которой может означать спасение для всего Ордена и сохранение того главного, что осталось от хиреющих орденских тайн.

Завтра, да, уже завтра!.. А пред тем – почти десять лет жизни на этой странной земле, существующей в каком-то своем, потерявшемся времени.

Да, да, на одиннадцать дней она выпала из времени вовсе, ибо нынешнее 28 сентября здесь всего лишь 17-е.

Граф знал, как почившая не столь давно здешняя просвещенная императрица объяснила сей факт заезжему французу Diderot . Тут, мол, чрезмерно почитают своих святых, посему упразднить в какой-то год целых одиннадцать дней, дабы перейти на общепринятый григорианский штиль, означало бы обидеть несметное множество мучеников, отобрав эти дни у них, чего она, благочестивая l'impératrice (ох, слышан был граф о ее “благочестивости”!) допустить никак не могла.

Из-за этих одиннадцати дней отставания от остального мира граф Литта иногда ощущал самого себя как бы несуществующим или существующим лишь отчасти. В самом деле, скончайся он, к примеру, нынче в одночасье, что вполне может случиться в его преклонные года, – а тем не менее до 28-го числа будет как бы существовать в мире, живущем по принятому календарю.

Впрочем, что такое одиннадцать дней в сравнении с теми десятью годами, в течение которых он тоже полусуществовал в этом величавом граде, пытаясь пробиться на высочайшую аудиенцию к Ее Императорскому Величеству! Но, увы, могущественные фавориты императрицы требовали за такое право столь много денег, что уплати он их – и Орден пришел бы в полное разорение.

Да и десять лет – что они в сущности такое по сравнению с семивековой историей Ордена! А в сравнении с двухтысячелетней историей Великой Тайны, хранимой Орденом, десять лет вовсе пустяк!

Благо, фавориты нынешнего императора подношений не требуют. Правда, за великой своей занятостью император понудил ждать сей аудиенции еще три года, но это уж и совсем не срок для того, кто прошел все ступени орденского послушания, обучающего терпеливости.

И вот – завтра! Уже завтра!..

Завтра приставленный для этой цели гренадерский капрал со странной здешней фамилией Двоехоров препроводит его, графа, вместе с орденской свитой и – главное – с Тайной, запечатанной в разуме, к императорскому дворцу. И он, граф Литта, войдя и по-рыцарски припав на одно колено (император любит все рыцарское), скажет ему: “Странствуя по Аравийской пустыне и увидя замок сей...”

“А почему бы и не по Аравийской? – устало подумал граф, ибо сон все-таки мало-помалу забирал его. – Вполне может и подойти для романтически настроенного императора... Хотя, впрочем...”

И, уже засыпая, он подумал, что сей город за окнами его спальни тоже лишь полусуществует, ибо, говорят, иногда, как раз в осеннюю пору, покрывается водами и, оторвавшись от земных и небесных владык, отдает себя во власть языческого Нептуна..

Оттого и сон тут столь тяжел. Словно толща вод наползает на тебя, и нет человеческих сил выбраться из-под нее. Там, в этой пучине, ты один на один с Тайной своей, с Тайной, коя не нуждается ни в жалкой телесной оболочке твоей, ни в словах, трепыхающихся в этой оболочке: “Странствуя по Аравийской пустыне и увидя благословенный Господом замок сей...”

[II] Христофор Двоехоров, лейб-гвардии Семеновского полка капрал, 22 лет

...и взяла ведьма-ворожея за руку и сказала: “Быть тебе, сыне боярский, янералом, не мене. Вишь, звездочка у тебя на ладони; у кого такая звездочка – тот не мене как янералом, а то и хвельд...”

Ну, на “хвельд” – это ты больно-то размахнулась, ведьма старая. От капрала до фельд-маршала – это все равно что от тебя, дуры, до светлейшей княгини, ты ври, да не завирайся, старая, тут бы в штабс-капитаны – и то б хвала Господу, при нынешних-то временах...

А батюшка, тоже Христофор, хоть и почил прошлым годом, хоть и Царствие ему Небесное, а словно бы вживе берет плетку в руки да плеткой этой самой, плеткой тебя по гузну, хоть ты, Христофоша, и дворянский сын: “Не перечь! Я те поперечу! Сказано, в фельдмаршалы, значит, в фельдмаршалы! На тебе, еще кнута отцовского отведай, чтоб не позорил славный двоехоровский род!..”

Ба! Да уже и не тятя покойный вовсе, а вполне здравствующий император Павел Петрович! Только плетка в руках та же самая, и ею – все по тому же голому гузну: “Я тебе покажу, Двоехоров сын, как в фельдмаршалы метить. – Плеточка по гузну, уже почти нечувствительному – вжик, вжик! – В фельдмаршалы восхотел, а у самого косица на парике серая, нечесаная, подобно пакле! Под шпицрутену у меня пойдешь! Дворянства лишу, в заводах сгною!..”

Мигом и сна ни в одном глазу. Подскочил на койке Двоехоров, так подскочил, будто его вправду плеткой по гузну ожгли. А неспроста привиделось, понял. У сотоварища по батальону, тоже капрала, тоже сына дворянского, у Алеши Ильина, второго дня император узрел, что ворот мундира на треть вершка выше положенного по уставу. Все-то думали, его за это на неделю-другую под арест. Однако же чересчур император осердился за такое якобинство, санкюлотом назвал и сперва пощечиною пожаловал, а затем, еще более вознегодовав, и дворянства в мах лишил, и в заводы отправил. И без шпицрутеных не обошлось. Вкатили, правда, немного, только пятьдесят палок, но и того не желаете ли?..

Вот в такие времена, братцы, живем! А то – в фельдмаршалы! Ишь!..

В страхе Божиим прошлепал Двоехоров по дощатому полу босиком к своему парикю, возлежавшему на столе, зажег свечку, присмотрелся и так и сяк. Нет, косица вполне исправная, белее не бывает. Однако ж от греха взял да и еще набелил мукуй и косицу, и весь парик. За переусердство никто не осудит, а за оплошность шкуру сдерут. Тем паче что попасться завтра на глаза императору очень даже вероятно. Ибо никому иному как ему приказано завтра утром препроводить ко дворцу этих немцев понаехавших.

Общим числом тех немцев пять человек. Из каких краев прибыли, иди пойми. За главного у них старичок, титулом граф, по виду (Двоехоров так для себя решил) гишпанец. Этот по-русски говорил не плоше иного природного русака. И не чинился, хоть и граф, объяснил ему, Двоехорову, что прибыли они из Мальтийского ордена. Про такую, однако, землю капрал не слыхивал, хоть географической науке был не то чтобы шибко, но все-таки обучен. Но и расспрашивать далее не стал, не желая выказывать перед иноземцами свою малую по сей части просвещенность.

Странная, видно, была земля, этот самый Мальтийский орден. Старичок, допустим, гишпанец. А самый молоденький – германских, это точно, кровей. И французишек двое, самых что ни есть французистых. А вот пятый – в жизни не разберешь, кто такой. Лицом черен почти как арап, глаза слепые – бельмами. Именуют отцом Иеронимом – стало быть, монах. Только странный монах: на груди стальная кираса, на поясе длиннющий меч. Меч-то зачем, спрашивается, монаху? А уж слепому монаху – и вовсе смех только.

Да одеянием и все эти господа мальтийцы ему под стать – у всех старинные палаши, у всех какие-то пудовые вериги, плащи наподобие рыцарских, с восьмиконечными не то звездами, не то крестами.

Впрочем, до рыцарских причуд государь охоч. Но твоего брата капрала сие не касательно: ты изволь уставную амуницию соблюсти, чтобы все чин чином, не то отправишься вслед за Алешкой Ильиным.

Двоехоров со свечой аккуратно (не дай Бог еще бы не хватало воском закапать!) оглядел все свое обмундирование, не нашел в нем никаких огрехов и тогда только, покуда не затушил свечу, посмотрел на ладонь левой руки.

А была ведь там звездочка! Точно, была!.. Вот она, родимая, никуда не делась!

Чувствуя от этого сатисфакцию, капрал снова лег в постель, укрылся одеялом, и почти сразу же зашептала ведьма-ворожея:

“Говорю тебе, соколик, вона янеральская звезда! Хвельдмаршальская!..”

И батюшка, Царствие ему Небесное, приговаривал: “Служи, сыне Христофор. Береги честь. Чтобы точно стал у меня генерал-фельдмаршалом!”

И плеткой не потчевал боле.

[III] Барон Карл-Ульрих фон Штраубе, рыцарь Ордена, 19 лет

Молодой рыцарь фон Штраубе после того, как лег, несколько часов не мог уснуть. Он все думал: зачем его привезли в этот холодный город? А спросишь – так и не ответит никто. Комтур граф Литта, отводя глаза, только бормочет туманное что-то про спасение Ордена и про его, фон Штраубе, великую в этом деле миссию, а отец Иероним изрекает что-нибудь вроде: “*Nemo contra Deum nisi Deus ipse* ” и, закатывая свои бельма, дает понять, что все эти расспросы для него “*agonia Dei* ”.

Про свою высокую миссию в делах Ордена и про свое *Die grosse Zweckbestimmung* молодой фон Штраубе был наслышан уже давно, однако в чем сие заключалось, было покрыто завесой тайны, а свои тайны, и малые, и великие, Орден умел хранить – и за бельмами слепых глаз, и за туманом слов.

Завтра, однако, что-то должно было произойти что-то впрямь важное, фон Штраубе уловил это в том прахе слов, который нынче не то с умыслом, не то по нечаянности просыпал граф Литта. И сразу как почтительны стали с ним братья Жак и Пьер, прежде его почти не замечавшие. И даже за бельмами всегда сурового отца Иеронима с вечера он видел что-то похожее на благорасположение к своей персоне.

Быть может, действительно завтра он, благодаря своему *Die grosse Zweckbestimmung*, сумеет чем-то помочь Ордену, уже более двадцати лет после потери Мальты вынужденному скитаться по всей земле, а заодно сможет хоть немного приоткрыть завесу некоей огромной Тайны, его, фон Штраубе, с детства окружающей.

О, ради такого он готов был на что угодно – второй год мерзнуть в этой самой северной из столиц мира, где небо всегда настолько серое, что почти никогда не видно звезд, постигать этот странно звучащий язык и эти во многом непостижимые нравы, даже, подобно комедианту, бряцать завтра рыцарскими доспехами, как распорядился тот же граф Литта, ради такого он был готов.

Завтра состоится долгожданная аудиенция, которую им даст император этой необъятной страны. И он, фон Штраубе, закованный в латы, должен будет, припав на одно колено, произнести те слова, что долго выучивал и не раз повторял придирчивому комтуру: “Ваше императорское величество, все рыцарство Ордена с трепетом приветствует властелина, чья благословенная Богом страна...”

Как там дальше? Надо, пока свечу не погасил, еще раз перечитать, чтобы укрепилось за ночь.

Так фон Штраубе и поступил.

Оттого сон, который наконец стал его понемногу забирать, был томительный, без сновидений, заполненный лишь какими-то смутными предощущениями, в которые то и дело вкраплялись эти слова: “...чья благословенная Богом страна раскинулась меж всеми четырьмя великими океанами Земли во славу всему христианскому миру..”

Завтра... Что то будет завтра?..

[IV] Император, чья благословенная Богом страна... (etsetera, etsetera)

“Between four great oceans?!.. – сквозь опущенное забрало насмешничал рыцарь в черных доспехах, выгарцовывая у барьера на вороном коне. И, переходя на русский язык, с британской, однако, язвительностью прибавил: – Видимо, Индийский океан, брат мой, вы также включили в свои владения? Коли вы не осведомлены, смею вас заверить, между сим океаном и вашими владениями пролегает Индия, коя, позвольте вас просветить, пока что принадлежит...”

Это он, британский Георг, сколько бы он ни прятал лицо свое под черным забралом!

Довольно же слов! Копья наперевес! Пускай рыцарская удача рассудит, кто прав!

Понеслись!.. Под НИМ – конь белый, белее снега. И доспехи ЕГО серебряные разбрызгивают солнечный свет. И летит ОН на черного Георга Британского как на крыльях, подобно Божьему архангелу Михаилу. Недаром же имя этого архангела-воина носит и рыцарский замок ЕГО.

Сшиблись с грохотом. И вот уже поверженный черный британец вьется по земле у ЕГО копыта, как змей у копыта святого Георгия. Полная виктория!

Ну и как, помог вам ваш Parliament, милорд? И где ваша Индия? Там ли вы ее, милорд, ищите – под копытами моего жеребца?.. О чем вы причитаете из-под копыт? Где ваш надменный тон? “Pity for me, emperor! I ask of mercy!” – ах, вот о чем вы теперь!..

...Что это, однако, что?.. Померкло солнце, тьма окутала ристалище, тугая, тесная тьма. И как тогда, годы и годы назад, шаги кого-то огромного впереди, с кем не разминуться в этой тесноте.

Он тяжело ступает навстречу, а ты, уже не великий ТЫ, а совсем крохотный ТЫ, сжимаешься в необъяснимом ужасе, чтобы сделаться еще меньше и незаметней.

Однако ОН, СТУПАЮЩИЙ, останавливается рядом с букашечным ТОБОЮ и произносит голосом... О, ТЫ никогда не слышал его, но ТЫ, как и тогда, узнаешь его по голосу... “Бедный Павел, бедный, бедный князь!..” – печально произносит ОН, твой могучий прадед, и проходит сквозь эту тьму мимо, обращая стоячий воздух в ветер колыханием своего плаща.

О чем он, великий прадед? Но ты, как и тогда, не спросишь, голос твой слишком слаб для этого. Только плащ впереди полощется на ветру, как военный стяг...

...Как всегда при этом видении, в последнее время повторявшемся все чаще, император, не успев до конца пробудиться, вскочил на постели во весь рост и прижался к холодной стене, словно бы пропуская мимо себя могучую тень. Полное пробуждение настало позже. И тогда он, вновь улегшись под пуховую перину, стал раздумывать о мрачных пророчествах, уже давно клубившихся вокруг него.

Кому это вздумалось (нынче и не вспомнишь) явить к нему прорицателя по имени Авель? А тот возьми да и напроорочь, что-де царствовать тебе общим счетом четыре года, четыре месяца и четыре дня. Император был крепок здоровьем, и никакая хворь не могла бы свести его в могилу за столь короткий срок. Что же разумел дурак Авель?

Да ясно же чту! То самое, за что и гнить ему, дураку, в остроге до скончания века...

А прежде Авеля кликуши какие-то пели ему недоброе: в пеньё том вроде как царствия лишали. Но то давно уж было, еще в гатчинское бытие. Не иначе как матушка расстаралась их к нему подослать.

Ну а это, вчерашнее, и ни к чьему умыслу не пристегнешь. Супруги, Марии Федоровны развлечение – гадательная книга царя Соломона. На страницу шарик из хлебного мякиша кидаешь – он и указывает грядущее. Забава, не более. Вот и он давеча позабавиться возрешил. Да только забава получилась невеселая. Шарик покатался немного и уткнулся в ответ, самый из всех короткий. Всего-то в нем три цифры и было: 444. Три четверки. Неужто те самые Авелем отмеренные четыре года, четыре месяца и четыре дня?

Книгу бесовскую повелел тотчас спалить в камине, дабы государыня дуростям более не предавалась, однако же запало в душу, до сего часа не унять.

Хотя вообще-то император благоговел перед тайнами. Но не пред такими же! Нет – перед истинными, великими, перед самыми непостижимыми тайнами бытия, какие дуракам, наподобие Авеля, и не грезились, перед мистическими тайнами алхимии и кабалистики, перед умеющими себя охранять тайнами древних веков...

Лишь тут он вспомнил о завтрашней аудиенции и мысленно одобрил себя за то, что дал согласие на нее.

Мальтийский орден святого Иоанна Иерусалимского – это вам не лапотник Абель, возмнивший себя провидцем; это само средоточие тайн, овеванных веками. Слышал он, что и тайны уничтоженных в давние времена тамплиеров также перекочевали туда, на Мальту.

И вот ныне этот орден после происшедшей там, на Мальте, *le révolution* (Боже! и туда добралась!) покорно просит приютить его на берегах Невы. Да не просто приютить, а еще и возглавить! Что ж, орден славный, прошедший через крестовые походы, ничем не замаравший рыцарскую честь. И не приютить его было бы не по-рыцарски.

Католический, правда, орден-то, и возглавлять его православному государю – оно, быть может, как-то...

Но ведь и то сказать: не языческий орден – христианский. И всем католическим государям будет в пику, что праведный орден обрел пристанище не в их владениях, а на сей угодной Богу земле.

Что еще хорошо – это как мудро решили вместе с Ростопчиным обставить сию аудиенцию. Так, чтобы митрополиты не роптали между собой. Вроде как никакой такой аудиенции – случайно забрели странствующие по свету рыцари, такое вот Божие провидение; отчего ж в таком случае государю-рыцарю их и не принять?..

А “гроссмейстер Мальтийского ордена” и в титуловании весьма недурно звучит. Император к сорока девяти своим титулам мысленно приставил и этот – выходило нехудо, очень даже не худо...

Мысли об этом настолько ублажили его после давешнего наваждения, что снова потянуло в сон, и Морфей не замедлился, начал вязать своими путами, попавши в кои, уже не различаешь, где сон, где явь.

Вот он, австрийский Франц Третий... Миг назад лишь едва-едва подумалось о нем – и вот он уже, поглаживая эфес шпаги, стоит, вызываясь ухмыляется.

А вы не ухмыляйтесь, венский братец! Или на ухмылки вы только храбры? Коли угодно – шпаги наголо! *Jetzt werden wir vom Degen Ihre Backenbdrte schneiden!*

И что за стойка-то у вас? Кто так, право же, держит шпагу? Перед вами не шенбрунский щеголь и не какой-нибудь провинциальный бретер, перед вами истинный рыцарь, император величайшей в мире империи. Вдобавок – позвольте вас просветить – великий магистр древнего рыцарского ордена святого Иоанна Иерусалимского – вот, в конце концов, кто перед вами, *Der csterreichische Esel mit der Krone auf dem Kopf !*

Ну же! Ну! И не до первой крови, а до полной виктории! Осторожничать не в моем нраве!.. Отступаете? А мы вот так! Вот так! Вот так!..

[V] Отец Иероним, старейший рыцарь, а также иерей и хранитель тайн Ордена, 90 лет

Когда глаза твои слепы, то ночь предпочтительнее дня, ибо ночная тишь избавляет разум от мирской суеты, делает его не подвластным никому, кроме Господа. И чувство такое, будто на эти часы, пока укатывается на покой дневное светило, прозревают бельма твои.

Слеп он, дважды слеп был нынешним днем, отец Иероним, когда комтур Литта обволакивал словесами, а сам он, старейший из рыцарей, столько повидавший на своем веку, покуда

был зряч, не сразу за теми речами распознал мирское, суетное, ведущее к спасению лишь бренной плоти Ордена, но никак не духа его.

Да, благословенная Мальта потеряна для них, и похоже, что потеряна навсегда, – тут кому-то, пожалуй, прав. Иссакла с веками плотская мощь Ордена, позатупились мечи, и когда четверть века назад мальтийские смерды поднялась против орденской власти, недостало у монахов-рыцарей силы укротить их, как не раз укрощали встарь. Зачах Орден, как зачахло все славное, рыцарское в мире.

Ныне же, когда богопроклятый Бонапарт покорил Мальту, и вовсе любые надежды вернуться туда потеряны – скольких монархов сломил корсиканский выскочка, и армия у него в сотни тысяч штыков, – нет, с острова его не сбросить своими маломощными силами. Даже если остальные государи, соединясь, корсиканцу хребет и сломают – Англия тут как тут: давно уже к Мальте подбирается, рядом с островом огромный флот наготове держит со своим полуживым флотоводцем Нельсоном во главе.

Остались бездомными, без иной, кроме неба, крыши над головой, в том Литту, безусловно, не оспоришь.

Вот когда и вступить бы ему, отцу Иерониму, пережившему трех орденских магистров, вот когда и вступить бы ему в разговор по праву своего старшинства. Небо, де, и есть самый Богом данный кров для истинного монаха-рыцаря. Никакой мирской кров не способен поддержать искру Божию, если она теплится в сердцах.

И уж вручать жезл магистра в обмен на какие бы то ни было земные блага мирскому монарху, к тому же исповедующему иную веру – в том едва ли, брат Литта, святой Иоанн Иерусалимский, чьим именем вы так часто клянетесь, – ах, едва он бы в том вас поддержал!

А Тайну Ордена, величайшую из орденских тайн – ее вы тоже намереваетесь передать вместе с жезлом? Тайну, сохранять кою в неприкосновенности – быть может, важнейшее, что Ордену и осталось в его земной миссии!

Намеревается – похоже на то. Не зря же молодого рыцаря фон Штраубе, оберегаемого Орденом истинного деспозина, сюда призвал. Для чего как не для раскрытия Тайны сей он мог здесь понадобиться?

На завтра, да, не далее как на завтра назначили вы эту комедию, где намерены выставить нас ряжеными, брат Литта! И говорили вы об этом так, словно воистину действуете *in nomine Domini*.

И ты этому не воспротивился, старый слепой брат Иероним! Словно был не только слеп, но и глух. И завтра все твое старшинство будет в том, чтобы вести их за собой, слепому поводырю слепых!

Вот когда он, отец Иероним, был во сне: когда не воспротивился – будто сном ему сковало язык.

А сейчас, хоть и ночь уже, должно быть, подбирается к середине, – это не сон. Разве назовешь это сном – состояние, когда слышишь голоса, коих не различаешь в сутолоке дня? Вот они, эти небесные голоса, – уж не хор ли ангелов? Слушай же, слушай их, слепец!

– Peccavisti!

– Peccavisti!

– Peccavisti!..

И вслух отец Иероним отозвался на эти голоса из своей вечной тьмы:

– Sic, peccavi...

[VI] Караульный Исидор Коростылев, лейб-гвардии Измайловского полка сержант, дворянский сын, 20 лет

“Грешите вы, батюшка, Исидор Гаврилович, – прихихатывала лекарская жена Марфа Мюллер, а сама, чай, не отодвигалась, даже еще потеснее ластилась к нему покатым плечиком.

Но на словах иное: – Ох, грешите! Ну можно ль так? На вечер глядя – к чужой жене, когда супруг ее по лекарским делам отбыл в Царское? Грех вам, батюшка!.. А португальского портвейну отчего же не пьете?.. – И все плечиком его, плечиком... – Хотя после портвейну – да в караул... Но до караула часика два еще, небось?..”

...Как ни сладок был сей сон, однако при упоминании о карауле мигом выдернулся из него сержант Коростылев. Какие там “часика два”, когда он уже в карауле! И, стоя в том карауле, – надо ж! – спит с ружьем на плече! Да где! Перед самым дворцом!.. А все, видать, этот портвейн ее проклятуший португальский! Разморило!..

То, что у них с Мюллершей после портвейну было – оно, может, грех и не столь велик, не он, Коростылев, у ней такой первый, вся их рота, чай, перебивала; а вот уснуть в карауле с ружьем – то и не грех даже, а бесчестие! И всему полку бесчестие! Да тут просто и словами-то не обозначить, что это такое – в карауле уснуть!..

Оно, правда, в нынешние времена кому как выходит. Вон, прошлым годом (о том уже весь Санкт-Петербург знает) уснул тоже один караульный – неизвестно, с портвейну или так, с недосыпу. И надо же – его величество тут как тут: “Сгною! В Сибирь! Под шпицрутены!..”

А караульный-то, не будь дурак, на императора – штыком вперед: “Не подходи!.. Никак покудова не можете в Сибирь, ваше императорское!..” – “Это отчего ж не могу?” – “А оттого, ваше императорское, что, ежели караульный в карауле, никто его никуда не может, покудова не сменили, что по уставу лишь начальнику караула дозволительно... Там дальше – можно и в Сибирь. А покудова – назад! Не подходить!”

И никакой ему, шельме, Сибири, никаких шпицрутен. “Ничего не скажу, устав и службу знает”, – только-то и молвил государь.

Сказывают, после случая того еще и в капралы высочайшим повелением произвели.

Но за того караульного, видать, даже не святые угодники на небесах молились, тут повыше бери. С иных и не за такие дела шкуру заживо спускали. Нет, ангел твой небесный, должно быть, помог тебе, Коростылев, уберег от беды, отогнал от тебя злокозненного Морфея.

Холодало однако же. Еще и октябрь не наступил, а морозцем прихватывало икры ног, не прикрытые кургузой шинелишкой. Хоть ветра не было – и то слава Богу. Потому величаявая река спокойно несла свои черные воды, хотя была уже настолько полна ими, что вот-вот могла выйти из берегов.

“Как бы опять потопа не случилось, – подумал караульный Коростылев и не по уставу поднял воротник шинели – укрыть неживые от мороза уши. – Вполне может случиться. Как раз и бывает по октябрю...”

...А Мюллерша знай пришептывала: “Ты ушки-то свои береги, Исидор Гаврилович, хорошенькие у тебя ушки – махонькие, точно у младенчика...” И дышала при этом жарко-жарко, и постанывала изредка. А уж грех, не грех – пускай там, в Святейшем Синоде, разбираются, если что прознают...

... только по щекам не надо, ваше императорское, при всем строе, а коли в капралы – так это с нашим превеликим, ваше императорское, и коли чего еще – так мы тоже с превеликим, хоть куда, хоть в самую Сибирь, не будите только, ваше императорское, жуть как Морфеем проклятуший повязал...

А Нева вершок за вершком поднимала свои пока еще не спешные воды, словно тоже спала, во сне сама не ведая, пощадит она на сей раз этот холодный каменный град, своевольно разместившийся в ее болотистых владениях, или вздыбится всеми своими водами поутру и заберет его в себя вместе со всеми людьми, домами, дворцами, чтобы он уже в небытии вечно досматривал свои суетные сны.

Глава II

Приготовления. Le défilé des comédiens

Поутру, затемно, граф Литта, как и было договорено накануне, ожидал их у себя.

Первым явился молодой барон фон Штраубе, граф, однако, предложил дожидаться остальных орденских братьев и более ни о чем говорить с ним до поры не стал, куда-то удалился, оставив его в одиночестве.

Фон Штраубе оглядел залу и сразу отметил бедность обстановки – довольно грубой работы стол, простые скамьи вместо кресел, канделябры всего на две-три свечи, чтобы лишних не жечь. Вообще-то граф Литта, несмотря на свой монашеский сан, любил жить в окружении роскоши, и потому в простоте этой залы фон Штраубе усмотрел не скардность графа, а выверенный им замысел: тот явно желал показать монахам-рыцарям, в какой скудости пребывает Орден в сии далеко не лучшие для него времена.

Впрочем, то, что висело на стенах, составляло истинное богатство, но распознать его цену могли бы только люди, осведомленные в подобных вещах. Вроде бы заржавевшая железка – а в действительности меч Меровингов, его, фон Штраубе, далеких предков; этот меч – быть может, единственный сохранившийся на свете – редкость столь великая, что, пожалуй, уже и не имела цены.

А это кольчуга и шлем Людовика Святого – дар, принесенный монархом Ордену еще на Палестинской земле.

Ну а латы Ричарда Львиное Сердце многим ли дано было узреть из живущих ныне в этом мире?

А про этот позеленевший медный наконечник – кто бы знал, что он с копья самого царя Давида? Тоже привезенная из Палестины драгоценная реликвия Ордена.

И другие кольчуги, доспехи, шлемы – за всем этим история бранной славы и шествия христианства по земле.

Вывешено было напоказ (фон Штраубе и это сразу уразумел) тоже не зря: посвященным должно было напомнить о прошлых заслугах и могуществе столь почитаемого некогда во всем христианском мире Ордена.

На другой стене висели куда более сверкающие предметы оружия, однако воистину не все, что сверкает, с непременностью драгоценно. Всем этим начищенным до блеска кирасам, латам, палашам, наколенникам, барон знал, от силы лет сто пятьдесят, а то и меньше, так что скорее они бы подошли для украшения стен какого-нибудь трактира в рыцарском стиле, чем для гостиной комтура одного из древнейших рыцарских орденов.

– Сейчас все будут в сборе, – сказал граф Литта, спускаясь в залу по боковой лестнице – видимо, наблюдал за улицей с верхнего этажа.

И вправду, после его слов дверь открылась. Первым молча вступил отец Иероним. Лицо его было строго, спина пряма. Слишком пряма для девяностолетнего старца. И слишком непреклонно пряма для монаха, явившегося к самому высокому после магистра иерарху Ордена.

Тотчас вслед за ним появились орденские братья Жак и Пьер – они-то, видимо, и привезли отца Иеронима, иначе как бы нашел дорогу сюда слепец? Оба, войдя, приветствовали комтура какими-то завитушистыми поклонами, более пригодными для приветствия какого-нибудь высокого светского вельможи.

Граф Литта слегка покривился, но делать внушения им не стал, ибо тем временем отец Иероним наконец как-то нащупал своими бельмами и его, графа, и фон Штраубе. Барон всегда несколько робел под взглядом этих белых слепых глаз, казалось умевших смотреть в самую душу. На сей раз, однако, слепец лишь прошелся по нему бельмами, а вот на Литте их поза-

держал, и фон Штраубе почувствовал, что при этом даже комтура охватила робость, ибо так сурово не могут смотреть никакие зрячие глаза.

Явно приложив к тому усилие, граф отвел взгляд от этих бельм и сказал:

– Прошу рассаживаться, братья, времени у нас не много, а разговор предстоит важный.

Сам он первым уселся за стол и сделал знак братьям Пьеру и Жаку, чтобы те усадили отца Иеронима сбоку от него, но тот, отстранив их помощь, сам, точно зрячий, избрал для себя место, уселся напротив комтура и снова впери в него свои бельма. Единственное, что смог сделать комтур, дабы защититься от них, это, изобразив тягостную муку головной боли, прикрыть глаза, как забралом, рукой. Между тем другою рукой он успел взять за плечо фон Штраубе и усадить его с собою рядом справа.

Братья Пьер и Жак, видя неудовольствие графа, робко уселись на скамью у левого края стола.

– Не стану говорить об известном, – сказал комтур, – о бедственном положении Ордена и о том, что надо любыми путями изыскивать меры для его спасения.

– Любыми? – раздался голос слепца. – Я стал слабо слышать. Вы сказали: “любыми”, не так ли, комтур? Я часом не ослышался?

– Нет, вы не ослышались, – с трудом пряча раздражение, отозвался Литта. – Именно так: любыми.

– Любыми угодными Господу, – произнес наставительным голосом слепец.

Рука графа была уже слабым прикрытием от этих пронзительных бельм. Литта убрал ее от лица и (правда, отведя глаза) возразил достаточно властно:

– Не станете же вы поучать меня, отец Иероним, что угодно Господу, а что ему не угодно. Во всяком случае Господу угодно сохранение Ордена – этого, надеюсь, никто здесь не станет оспаривать?

Поскольку надо же было куда-то смотреть, то, говоря это, граф сурово взглянул на братьев Пьера и Жака, отчего те вовсе сникли, ибо менее всего намеревались что-либо из произносимого тут оспаривать.

– А с тех пор, как наш магистр почил, – твердеющим голосом продолжал граф Литта, – принимать жизненно важные для Ордена решения выпало на мою долю. И решение мое таково. Поскольку сей христианский град гостеприимно приютил нас в наших земных скитаниях... А сие тоже не обошлось без воли Господа – полагаю, и на это никто не возразит, ибо ничто не творится без Его воли... Так вот, поскольку он нас приютил, то и быть отныне благословенному граду сему тем богоугодным прибежищем, в котором...

Глянув за окно, фон Штраубе на какой-то миг перестал его слушать. Там тьму, только что непроглядную, едва-едва начинал вспучивать угрюмо-серый рассвет. На благословенный, богоугодный Эдем места эти, в отличие от солнечной Мальты, не больно-то походили. Тоска была навсегда оставаться в здешних краях, к чему комтур явно и вел разговор.

Однако с месторасположением Ордена, кажется, было уже окончательно решено, тут даже отец Иероним не восперечил более, непокорствие было только в бельмах этих.

А Литта говорил уже о другом. Фон Штраубе снова прислушался.

Теперь разговор шел о новом гроссмейстере Ордена. Дело казалось барону давно решенным. Поскольку другие четыре комтура почил вслед за прошлым гроссмейстером, то кому как не Литте, последнему живому комтуру, а также хранителю орденской печати и казны, кому иному Орден и возглавлять? Так оно исстари повелось, что комтур-хранитель занимает место гроссмейстера.

Оказалось, граф Литта тем не менее мыслил иначе.

– ...И, памятуя о том, что сей монарх, сей один из немногих оставшихся истинных рыцарей, – продолжал комтур мысль, начало которой фон Штраубе, отвлекшись, недослышал, – сей славный монарх дал нам приют... На что его, без сомнения, подвигнул сам Господь... –

добавил он, уже прямо глядя на отца Иеронима... – Так вот, при сих его великих заслугах, пользуясь правом последнего комтура, решаю, что и возглавлять Орден отныне надлежит ему.

Над залой на какой-то миг повисла тишина. И в ней особенно резко прозвучал в следующее мгновение голос отца Иеронима:

– Императору-иноверцу – гроссмейстерский жезл? Я не ослышался?

– Вы не ослышались, отец Иероним, – довольно желчно ответил комтур. – Слух вам не изменяет, в отличие от зрения. Я разумею не умение просто видеть, и а дар Божий видеть наперед. Видеть, что единственное спасение для Ордена...

– В гроссмейстере-иноверце?!

Грозен был в эту минуту отец Иероним, и бельма его, казалось, прожечь были готовы насквозь. Но и комтур был вполне тверд. Глядя ему, как зрячему, глаза в глаза, граф Литта возвысил голос:

– Вы забываете, отец Иероним, что император сей – христианин и страну его населяют христиане!

И как-то сник суровый отец от этого повелительного голоса, даже бельма свои отвел. Только пробурчал едва слышно себе под нос:

– Христиане, от которых самого Господа тошнит...

Но и этого ропота теперь уже не желал ему спускать граф Литта.

– Вы изволили использовать слова папы Иннокентия Второго, – сказал он, – произнесенные тем накануне разграбления крестоносцами христианского Константинополя. Хочу вам напомнить, что времена крестовых походов прошли, и не все тогдашние слова столь же уместны ныне. Мир изменился, отец Иероним, и кто нам ближе теперь, корсиканский безбожник или христианский монарх, с коим различия в верованиях столь мало уловимы, что и не всякий священнослужитель с ходу вам их назовет?

– Однако Орден напрямую подчиняется папе, – впервые решился подать голос фон Штраубе.

– Благодарю тебя, сын мой, за это напоминание, – сказал комтур; фон Штраубе показалось, что тот изглуби над ним насмехнулся. – Так вот, – уже без тени насмешки продолжал граф, обращаясь ко всем присутствующим, – хочу со своей стороны напомнить вам, что сейчас, когда корсиканский выскочка напялил на свою короткую ногу чуть не весь итальянский сапог, папа Пий ощущает себя недалеко от того, как мы ощущали себя в наш последний год на Мальте. При этом добавлю то, что услышал здесь от некоторых осведомленных людей. Не столь давно император Павел обратился к папе с письмом, в коем написал, что если папа испытает от корсиканца какое-либо унижение, он может со всеми подобающими его сану почестями въехать в Санкт-Петербург, где его престолу ничто и никогда не будет угрожать. – Теперь уже комтур сверлил взглядом слепца, а тот, словно видя это, отводил свои бельма в сторону. – Так что, отец Иероним, – спросил он, – это вы тоже осмелитесь назвать поступком, от которого тошнит самого Господа?

Совсем был сломлен непокорный монах. Даже спина его, обычно не по годам прямая, сгорбилась, что фон Штраубе видел за ним впервые. Однако хоть и ослабшим голосом, но все же спросил отец Иероним:

– Ну а с тайнами как быть? С великими тайнами Ордена. Гроссмейстер не может оставаться в неведении.

– С тайнами... – задумчиво произнес Литта. – Ну, среди них многие изрядно устарели на сегодня... Скажем, тайна Spiritus Mundi – у меня, кстати, имеется один его образец. Зная о любознательности и мистическом настрое государя, надеюсь, его это заинтересует... Не все же сразу. Некоторые тайны можно выдавать ему постепенно... В таком деле излишняя торопливость, пожалуй, вправду ни к чему. Так что, я думаю – соизмерительно с обстановкой.

– Нет, я про Великую Тайну! – из последних сил взволнованно воскликнул слепец. – Про ту, что досталась нам от тамплиеров! Про ту, которую мы пред алтарем дали обет хранить! Неужто ее – тоже?!

Тут и комтур призадумался.

– Гмм, это вопрос вопросов... – после минуты-другой молчания промолвил он. – На сегодня эту Тайну знают лишь трое: я – по своему положению в Ордене, вы, отец Иероним – по праву старшинства, наконец – наш юный фон Штраубе, поскольку это в некоторой мере его Тайна. Более не знает никто. А поскольку в молчании нас троих я уверен, то и решить это может лишь кто-нибудь из нас.

– И надеюсь, это будете не вы, – хмуро проговорил отец Иероним.

– Мда, я тоже на это надеюсь, – как-то не слишком уверенно отозвался граф, к явному неудовольствию слепца, чуткого на любые колебания. – Впрочем, – добавил комтур, – в любом случае торопиться мы с этим не будем. – Затем, подумав еще, он положил руку на плечо фон Штраубе и сказал, обращаясь уже только к нему: – Сын мой, ты истинный хозяин этой Тайны, так что без твоего на то согласия – клянусь...

Что-то еще хотел прибавить, но как раз в этот момент часы отмерили боем девять утра. Высочайшая аудиенция, все тут знали, была назначена на десять.

Комтур встал из-за стола.

– Времени мало, братья мои, – сказал он, – а нам предстоит еще одно необходимое приготовление. Только прошу вас, не насмехайтесь надо мной. Дело в том, что мы должны выглядеть подобно странствующим рыцарям из глубокой старины. Смешно, конечно, в наш просвещенный век! Но поверьте мне, это не я выдумал. Вчера я имел беседу с могущественным фаворитом императора графом Ростопчиным, он мне и дал такой совет, ибо лучше других знает о той любви, которую питает его государь ко всему рыцарскому. К вам, отец Иероним, сие не касательно, ибо в облике вашем всякий узнает истинного рыцаря Ордена. – Голос Литты был вполне почтителен, лишь улыбкой, невидимой для слепца, он дал понять остальным, что произносит это несколько *авес l'ironie*. Однако сразу же вслед за тем граф стал в полной мере серьезен. – Перво-наперво, – сказал он, – я разумею, конечно, вас, братья Жак и Пьер. Ибо вид ваш, признаюсь вам со всей откровенностью...

Оба покраснелись, поскольку, верно, сами понимали, что наряд их не пригоден не только для высочайшей аудиенции, а вовсе ни для чего, кроме карнавала. По причине крайнего безденежья они уже давно не приобретали для себя никаких обнов и никак не врисовывались в нынешний строгий петербургский штиль в своих нарядах времен Людовика XV, густо пропахших снадобьями против моли.

– Посему, – продолжал комтур, – вам надлежит облачиться в эти доспехи.

Доспехи, на которые он указал, были вовсе дрянные, скорее всего даже не настоящие, стальные, а сделанные из тонкой жести – должно быть, взятые комтуром на время у каких-нибудь комедиантов.

– Дело долгое, – добавил граф, – а фельдъегерь уже сейчас прибудет, так что прошу вас, братья, немедленно приступить к переоблачению.

Смущенные рыцари приступили с торопливостью необычайной. Пока они в углу громыхали железом, граф Литта обратился к фон Штраубе:

– А тебе, сын мой, полагаю, вполне достаточно будет лишь надеть вот эту кирасу и сме-нить шпагу вот на этот благородный меч.

Фон Штраубе вынужден был подчиниться. И хотя меч, врученный комтуром, был в самом деле весьма благородный, времен, вероятно, конца столетней войны, и кираса такая, что лет двести назад надеть ее, поди, и герцогу иному не зазорно было бы, так что рядом с выраженными по-комедиантски братом Жаком и братом Пьером он смотрелся вполне рыцарем, но чувство неловкости от устроенного машкерада с этой минуты уже не покидало его.

Сам граф Литта тоже быстро надел кирасу и подпоясался мечом. Затем позвонил в колокольчик, и его безмолвный лакей вынес и раздал всем синие плащи с восьмиконечными крестами святого Иоанна Иерусалимского.

После того как все обрядились в эти плащи, комтур оглядел свое воинство и сказал удовлетворенно:

– Ну вот, братья, мы, кажется, и готовы. Осеним же себя крестным знамением и можем отправляться в путь.

В ту же минуту дверь распахнулась, и на пороге появился фельдъегерь в гвардейской форме. Чуть замешкался, несколько удивленно глядя на странное облачение всех, в особенности орденских братьев Пьера и Жака, но выправки при этом не потерял.

А выправка, какая выправка была! И косица, белоснежная, аккуратнейше сплетенная, как по линейке лежала вдоль заднего шва шинели.

Вытянулся во фрунт, отсалютовал шпагой и громко провозгласил:

– По приказанию его императорского величества, капрал лейб-гвардии Семеновского полка Двоехоров! Приставлен сопровождать вас во дворец! Прошу следовать за мной, господа мальтийские рыцари!

У подъезда их ожидала повозка, немало удивившая фон Штраубе. За год, что провел в Санкт-Петербурге, он таких не видел ни разу. В отличие от тех голых помостов на колесах, что смерды тут называют “телегами”, у этой все же были дощатые борта, однако сверху не имелось никакого покрытия. В таких, должно быть, преступников возят на казнь, чтобы всем уличным зевакам было видно, подумал он и вопросительно взглянул на комтура.

Тот по глазам молодого барона понял его безмолвный вопрос и вздохнул:

– Ничего не поделаешь, сын мой, так надо, видит Бог, так надо... – и первым влез в повозку.

Вслед за ним братья Пьер и Жак усадили туда отца Иеронима, затем, громыкая жестью, влезли сами. Последним в нее забрался фон Штраубе.

Кучер хлестнул лошадей, и повозка тронулась. Впереди поскакал верхом гвардеец Двоехоров, указывая путь ко дворцу. Ему приходилось придерживать коня, чтобы не отрываться от повозки с рыцарями.

С неба на непокрытую голову фон Штраубе падали белые мушки. Непокрытая также голова комтура Литты с черными, несмотря на его преклонный возраст, волосами была уже совсем белой от снега.

– Отчего же повозка не крытая? – спросил фон Штраубе графа.

– Ах, так надо, сын мой, – дрожа от холода, сказал тот, – видит Бог, так надо. Государь должен увидеть нас из окна дворца.

Фон Штраубе тоже ежился от холода. Мальтийский плащ был слабым от него укрытием. Белые мушки западали за ворот, железная кираса холодила грудь. И думал он о Тайне, о Великой Тайне своей, волею Господа занесшей его в эти хмурые северные края.

По соседству слышался жестяной шелест, как шепчет листва осенью, – это дрожали под своими жестянками орденские братья Жак и Пьер.

Только могучий слепец сидел недвижимый, как утес, безразличный и к снегу, и к стуже, лишь бормотал что-то, вглядываясь в свою вечную ночь. Он словно разговаривал с кем-то, взиравшим на него из этой ночи. Фон Штраубе прислушался и смог разобрать слова:

– *Ressavi, Dei, ressavi...* – бормотал отец Иероним. И только Тот, к Кому он обращался, мог знать, что за грех слепец имеет в виду.

Фон Штраубе стал оглядываться по сторонам.

В этот рассветный час город уже пробудился целиком. Вот гвардеец Двоехоров отсалютовал шпагой одному из проезжающих мимо экипажей, а затем непонятно за что погрозил кула-

ком вытянувшегося перед ним городовому. Вот повстречался разъезд конногвардейцев, вот, скрипя снегом, куда-то вышагивала рота егерей. Да и прохожие, даже статские, не сновали, не шли, а тоже именно вышагивали со строгой военной выправкой, и платьем более походили на военных. Таков уж был Санкт-Петербургский штиль, отчего этот холодный город тоже напоминал какой-то военный орден, только не рыцарский, а более соответствующий здешней суровой природе и нынешним временам.

На повозку с рыцарями, правда, косились, но делали это без усмешек – усмешки, видимо, также мало подходили под устав этого угрюмого города, где и роскошные дома были, как казармы, строго вытянуты в линии вдоль рек, подобных фортификационным рвам.

И только дети здесь еще оставались детьми. Когда мимо повозки с рыцарями проезжала дорогая карета, фон Штраубе услышал детский голос, донесшийся из ее окна:

– Mon père, regardez! Le dîfile des comédiens!

Почувствовав стыд, он с некоторой укоризной посмотрел на комтура. Граф, однако, явно не замечал и не слышал ничего творящегося вокруг, лишь знай наборматывал себе под нос одну и ту же фразу по-русски:

– Странствуя по Аравийской пустыне и увидя благословенный Господом замок сей...

Между тем холодные белые мушки, уж не аравийские никак по происхождению своему, все убеляли и убеляли его непокрытую голову...

Глава III

Аудиенция, во время которой комтур Литта иногда ступал по весьма тонкому льду, а на барона фон Штраубе сошло наитие

– Странствуя по Аравийской п-пустыне и увидя... увидя благословенный Господом 3-3-замок сей... – с трудом, немного заикаясь, выговаривал коленопреклоненный комтур – видно, за дорогу до самых костей промерз.

Фон Штраубе, тоже, как и все рыцари Ордена, коленопреклоненный, тем временем, хоть и следовало глаза приопустить, этим наставлением, полученным от комтура, пренебрег и, не в силах себя перебороть, вопреки этикету взирал на государя.

Император был невысок, но довольно статен и складен. Лицо его при всей подчеркнутой строгости выражения, приличествующей торжественности момента, из-за некоторой курносости императора казалось улыбающимся.

Рядом с ним стоял молодой красавец граф Федор Ростопчин, коего фон Штраубе уже издали видел однажды, а уж наслышан о нем был куда как! Кто бы мог подумать, что этот столь приветливый на вид щеголь-аристократ чуть старше тридцати – одна из самых влиятельных персон в необъятной империи, шеф Иностранной коллегии, по могуществу не уступающий грозному, чье и имя иные старались лишний раз не произносить, Санкт-Петербургскому генерал-губернатору графу Палену, а близостью к императору превосходящий и того.

Ростопчин, глядя на бормочущего комтура, откровенно не сдерживал улыбки, а когда граф Литта снова принялся что-то выговаривать про Аравийскую пустыню, все с той же улыбкой запросто его перебил:

– Уж и не полагал, граф, что там у вас в Аравии столько снегу. Не все, оказывается, нам ведомо, живущим здесь, на берегах Невы. – Однако сразу же смолк, испытав на себе косой взгляд императора.

Между тем Литта, уже закончивший свое повествование о странствии в пустыне, подал знак фон Штраубе. Тот сразу же подхватил:

– Рыцари древнего Мальтийского ордена святого Иоанна Иерусалимского коленопреклоненно приветствуют рыцаря-императора, чья благословенная Богом страна раскинулась между

всеми четырьмя великими океанами Земли... – и тут, к ужасу своему, вдруг понял, что начисто позабыл последующие слова.

Однако, по счастью, император в этот миг неожиданно сам его перебил.

– Слышали, граф, что сказал этот молодой рыцарь? – спросил он, обращаясь к Ростопчину. – Между четырьмя океанами. Отныне так и надобно говорить и писать. Особливо, граф, если бумаги идут через вашу коллегия и могут попасть на глаза британскому Георгу. Ибо поход на Индию и, следственно, выход к Индийскому океану – дело лишь времени, причем не столь отдаленного, уверяю вас. А чем завершится сей поход при известной слабости англичан в сухопутных баталиях – надеюсь, понятно всем.

Граф почтительно склонил голову в знак полнейшего своего согласия с монархом.

Тем временем фон Штраубе успел вспомнить недостающие слова, однако это оказалось лишним. Император приблизился к ним пятерым и сказал:

– Встаньте, благородные мальтийцы. Я вижу, вы и так истомлены долгими странствиями.

Все поспешно поднялись с колен. При этом братья Жак и Пьер, утайкой от комтура изрядно выпившие по дороге, дабы спастись от холода, крепкого вина, слегка покачивались в своих жестянках, так что, пожалуй, впрямь смотрелись как порядком истомленные.

– А мы тут говорили с графом о государственных делах, – продолжал император, – вдруг я смотрю в окно и что вижу? Сию обветшавшую повозку с рыцарями, едущими в ней. Какой иной рыцарь, будь он на моем месте, отказал бы странствующим собратьям в приюте?

Даже, пожалуй, и фон Штраубе, не знай он о предуготовленности такого поворота дел, не усомнился бы ни на миг, что так оно и было в действительности – столь искренне говорил все это государь.

– О, поступок истинного рыцаря! – тоже с искренними совершенно слезами умиления проговорил комтур, прижимая руку к груди. – Граф Литта, последний комтур скитающегося ордена, приветствует вас, государь.

– Что ж, граф, – сказал император, – представьте мне уж заодно и остальных своих рыцарей... Э, да один, по-моему, даже слепой...

Отец Иероним заговорил, опередив комтура:

– Очи мои незрячи – то правда, государь. Но истинный слепец тот, кто не видит Господа нашего впереди себя, меня же лишь Он один ведет за собою.

– Достойный, достойный христианского рыцаря ответ, – похвалил император. – Кто же тебя, однако, наградил этими бельмами?

На этот раз уже комтур поспешил с ответом, опережая слепца:

– Сей доблестный рыцарь Ордена, отец Иероним, – сказал он, – принимал участие в морском сражении против турок. Рядом с отцом Иеронимом взорвалась пороховая бочка, и взрыв пороха навсегда ослепил его глаза, но никак не рыцарскую душу его. Он и сейчас, в свои девяносто лет, готов сражаться против любых неверных и, несмотря на бельма свои, мечом, смею заверить вас, государь, не промахнется, ибо сам Господь направляет руку его.

– Гм, слепец, рубящийся на мечах... – с немалым удивлением проговорил государь. – Любопытно бы посмотреть... Тут у меня один малопоместный дворянин из Владимирской губернии возрешился подать прошение на высочайшее имя о невозможности призвания его осмнадцатилетнего недоросля к военной службе – и какой, по-вашему, приводит резон? – С этими словами император взглянул на Ростопчина. – У недоросля его, видите ли, слабое зрение, отчего тому носить прописано очки!.. За прошение, поданное не по уставу, дворянин тот уже сидит в крепости, а вот с недорослем его будем решать. Полагаю поручить сие графу Аракчееву. Моя пропозиция – дать ему чин четырнадцатого класса и услать писарем подале Иркутска без права повышения в чинах. Уж с писарским делом справится; я так полагаю – коли в очках, то писать умеет. – И он снова перевел взгляд на комтура и кивнул в сторону отца

Иеронима: – А сколько, вы сказали, ему лет? Ужель впрямь девяносто? Никак бы не подумал. Какая осанка! Сила какая в руках! Откуда такое в его годы?

Комтур снова заторопился с ответом:

– Я так мыслю – от праведной жизни и монашеского воздержания, государь.

– Вот! – подхватил император, обращаясь опять к Ростопчину. – Почему безжалостно и караю распутство и пьянство среди нынешних наших дворян. Что бы там заступники их ни говорили, что, де, молодо – зелено, а я карал и буду карать! – Он все более распалялся. – А то иной к тридцати годам уже не воин, а тюфяк с соломою! Нет, шпицрутенами, шпицрутенами всю дурь из них вышибу! И Указ о дворянской вольности мне тут не указ! Особливо в части дворянской неприкосновенности. Вот мой указ! – Государь похлопал по могучему плечу отца Иеронима. – Праведная жизнь и воздержание – и будешь не тюфяком, а истинным рыцарем до девяноста... Ладно, комтур, а что скажете о других своих рыцарях?

– Это – монахи-рыцари Ордена шевалье Пьер де Сютен и виконт Жак д'Орильи, – сказал граф Литта, а те низко опустили головы – как фон Штраубе понял, дабы государь не уловил в их дыхании запаха вина. – Оба, – продолжал комтур, – принадлежат к знатым французским фамилиям, и оба вступили в Орден и приняли монашеский постриг после происшедшей на их родине революции. Оба превосходно владеют искусством фехтования, и оба...

Но государь вдруг поморщился – то ли все же учуял запах вина, растекавшийся от рыцарей, то ли само упоминание о революции было ему неприятно, то ли их жестянки не внушили ему уважения – и, мигом утратив к ним всяческий интерес, перешел к фон Штраубе.

– Ну а об этом юном рыцаре что вы мне можете интересного поведать?

– Сей молодой рыцарь – барон фон Штраубе. В его славном роду все младшие отпрыски с юных лет поступали на служение в Орден, так повелось еще со времен крестовых походов. Вначале то был орден Тамплиеров, а после его разгрома в четырнадцатом веке – на служение к нам. А род его – один из древнейших в мире и ведет свое начало от королей благочестивой Меровингской династии, коя, в свой черед...

Фон Штраубе осмелился поднять голову и с удивлением взглянул на Литту. Не слишком ли близко подходил комтур к его Тайне в своих речах? И отец Иероним уставлял на Литту свои бельма. Да граф и сам, должно быть, почувствовал, что излишне далеко может забрести в своих речах и осекся на полуслове.

По счастью, император этого не заметил – слишком его поразили предыдущие слова.

– От Меровингов, я не ослышался? – спросил он. – Это какой же, стало быть, век?

– Хлодвиг, первый король из династии Меровингов, – пустился в объяснения комтур, – он же первый король франков, правил в шестом веке от Рождества Христова. Однако род Меровингов известен с более давних времен и, как считают многие, восходит...

И снова отец Иероним словно бы ощупал его своими бельмами, и снова осекся комтур. Нет, решительно не стоило ему вдаваться в столь давнюю родословную фон Штраубе. Тут каждое слово – что шаг по тонкому ледку, готовому вот-вот хрустнуть под ногами.

Государю, однако, пока что и упоминания о Хлодвиге было довольно.

– Шестой век! – восхитился он. – Это даже на три века будет подревнее нашего легендарного Рюрика! Что ж, в столь древнем роду, полагаю, сумели сохранить понятия о рыцарской чести...

Фон Штраубе между тем, пользуясь задумчивостью императора, решил посмотреть ему в лицо. И снова произошло это, что случалось с ним весьма редко и что он называл для себя наитием. Лицо императора – так почудилось ему – вдруг исказилось, изменило цвет с белого на предсмертно синий... Боже, шелковый офицерский поясной шарф туго обтягивал ему шею, не давая дышать. Глаза выпучились, язык начал вываливаться изо рта...

В ужасе фон Штраубе перевел взгляд на Ростопчина. Наитие все еще не покидало его, но подобного ужаса теперь не вселяло. В этом наитии граф был не так молод, но вполне бодр. А

вот за спиной его... за спиной его полыхал огромный город – нет, не каменный Санкт-Петербург, какой-то другой, деревянный город с бесчисленными маковками церквей... Впрочем, то было слишком далеко, оттого мигом развеялось. Перед ним опять стоял молодой граф и аристократически-надменно чему-то улыбался.

И горло императора уже не перехватывал этот страшный шарф, и лицо его было по-прежнему бело.

– Шестой век... – задумчиво повторил государь. – И, говорите, затем несли послушание в ордене Тамплиеров? – повернулся он к комтуру.

– Именно так, ваше величество, – склонил голову Литта.

– Любопытно, весьма любопытно, – так же задумчиво сказал император. – Полагаю, мы еще к этому вернемся... А это что у вас за узел? – сменив тон, спросил государь.

Рядом с комтуром лежал тюк, обернутый мальтийским плащом, – граф прихватил его в последнюю минуту перед тем, как выйти из дому. Снова же по улыбке Ростопчина фон Штраубе понял, что все обговорено, однако на искренности в голосе комтура это опять никак не сказалось.

– О! – воскликнул он. – Сие – главные реликвии Ордена, которые мы сберегли в своих долгих скитаниях! – Граф с поспешностью развязал тюк. – Это – скипетр гроссмейстера и великого магистра Ордена, переходящий от одного орденского владыки к другому еще с тех пор, как мы воевали на святой палестинской земле. Это же – прочие регалии магистров: крест святого Иоанна Иерусалимского, цепь святого Франциска, походный молитвенник магистра, плащ магистра. Прочие символы его власти и Божьего избранничества...

– Но позвольте, позвольте! – словно вспомнив лишь в эту минуту, вмешался император. – Насколько мне известно, ваш магистр уже давно почил, мир праху его. Для кого же вы бережете все регалии сии?

По лицу графа Литты фон Штраубе понял, что тот наконец почувствовал облегчение – видимо, последующая речь была зазубрена им до последнего слова и, по счастью, не заключала в себе этих нелепых Аравийских пустынь.

– Великий государь! – снова опустившись на одно колено, торжественно изрек он. – Впервые за время долгих наших странствий по миру мы лицезрим того подлинного рыцаря, коего желали бы видеть своим гроссмейстером. Божие просветление, еще накануне постигшее меня, подсказывает то же самое. Как последний доживший до сего светлого часа комтур древнего ордена нижайше прошу ваше императорское величество принять сии регалии и стать нашим магистром! – с этими словами он на вытянутых руках протянул императору гроссмейстерский жезл.

По лицу Литты снова текли слезы умиления. Ох умел, умел комтур их в нужную минуту пускать!

Император обернулся к Ростопчину:

– Видите, граф, в мальтийские магистры меня зовут. Что на сие скажете?

– Хочу лишь напомнить вашему величеству, – с улыбкой отозвался граф, – что мальтийский гроссмейстер, по их уставу, является вассалом римского папы. Разумеется, сие только *formllement*.

– Ну, это еще поглядеть, кто чей вассал, – надменно улыбнулся император. – Погодите, граф, погодите – и увидите. А устав – вот отныне их устав! – с этими словами он ударил себя в грудь. Затем снова перевел взгляд на Литту. – Что ж, коли на вас снизошло такое просветление Божие – так и быть по сему! – Государь решительно взял жезл из рук графа и со словами: – Поднимитесь, мой рыцарь, – слегка приобнял утирающего слезы комтура. – Итак, перед вами – быть по сему! – ваш магистр, рыцари мои, – сказал он, обращаясь ко всем мальтийцам. – Стало быть – ваш отец, всегда готовый принимать вас с любыми вашими нуждами. И покуда,

видя, что вы поиздержались за время вашего долгого, полного лишений пути, жалую вас пятью тысячами рублей, кои можете нынче уже получить в казначействе.

– О, государь!.. – всхлипнул комтур.

– Кроме того, – продолжал император, – велю в этом замке выстроить мальтийскую залу, где и станем собираться с вами за круглым столом, как сие бывало в добрые рыцарские времена... – На миг он задумался. – Только этот плащ... Ведь ваш магистр еще и император, а для персоны императора, мне кажется, он...

– В особо торжественных случаях магистр Ордена может надевать горностаевую мантию, – поспешил вставить граф Литта и тут же, видимо, раскаялся в своих словах, ибо эту самую горностаевую мантию, лежавшую у него в сундуке, давно пожрала до самого жалкого вида ненасытная Санкт-Петербургская моль.

Император, однако, судьбой мантии озабочиваться не стал, только произнес:

– Вот это иное дело. Велю для себя пошить... Кстати, комтур, я слышал, ваш... мой Орден располагает многими великими тайнами древности. Надеюсь, от магистра они не могут быть сокрыты?

– Да, мой магистр, – отозвался граф, чувствуя себя явно неуютно под бельмами слепца. – И вот одна из них. – Он достал из-под кирасы нечто бережно завернутое в тряпицу и, развернув, протянул императору с виду небольшой осколок синего стекла. – Это, – сказал он, – Spiritus Mundi, плод многовековых исканий древних алхимиков.

– Гм... – Император взял реликвию в руки. – А по мне, так простое стекло... Оно что же, золото творит, если, ты говоришь – от алхимиков?

– Нет, мой магистр, – сказал комтур, – секрет философского камня, насколько мне ведомо, так никому и не удалось пока что раскрыть. Но Spiritus Mundi должен быть его составной частью. Взгляните на него как-нибудь в полной тьме – и тогда вы увидите Божественный свет. Это и есть Дыхание Вселенной. Кроме того, Spiritus Mundi приносит удачу его обладателю.

– Что ж, поглядим, поглядим... – проговорил император и вполне по-хозяйски убрал Spiritus Mundi к себе в золотую, украшенную камнями табакерку. – Надеюсь, это не единственная из ваших тайн?

– О нет... – пробормотал граф (бельма слепца, казалось, прожигали его насквозь). – Например, существуют секреты фортификации, всяческие хитроумные ловушки, придуманные Орденом в течение веков...

Ловушки, однако, явно мало интересовали императора. А вот на фон Штраубе при этих словах снова снизошло наитие. И было это во времени, он чувствовал, совсем, совсем рядом. Кто-то высокорослый, в гвардейском мундире, бездыханный лежал на каменном полу, и кровь насквозь пропитала его белый парик. Человек этот казался барону знакомым, но он лежал лицом вниз, и узнать его никак не удавалось.

Что сие значило, фон Штраубе не знал, так же как не всегда он умел распознать истину за другими своими наитиями. Лишь то, которое было связано с императором, отчего-то не вызывало у него сомнений.

Он незаметно встряхнул головой, и видение с окровавленным париком исчезло.

Комтур между тем, видя неинтерес государя к тайным ловушкам, продолжал:

– Имеются у Ордена конечно же и иные тайны, которые, впрочем, весьма и весьма запутаны, оттого требуют долгих пояснений...

– Ну если долгих – тогда не сейчас, – к явному облегчению комтура и отца Иеронима, молвил император. – Мы еще, полагаю так, вскорости вернемся к этому. – Он перевел взгляд на фон Штраубе: – И с вами, рыцарь столь благородного рода, мне небезынтересно будет со временем побеседовать... Однако же, – прибавил он, – сейчас, за важными государственными

делами – ибо новый магистр ваш еще, увы, и владыка земной, оттого обременен делами мирскими – вынужден буду, мои славные рыцари...

.....

Хвала Создателю, обратно ехали в крытой карете, а не срамились на весь Санкт-Петербург в этой комедиантской повозке, в которой уже отпала всякая нужда.

– Сын мой, – обращаясь к фон Штраубе, сказал граф Литта, когда они отъехали от дворца, – мне показалось, что вы что-то такое увидели...

Рыцарю подумалось, что комтур догадался о видении с окровавленным париком гвардейца – именно сие никак не отпускало молодого барона, ибо слишком было близко.

Однако нет, комтура интересовало другое, чуть более отдаленное.

– Вы так смотрели на императора в какую-то минуту... – продолжал он. – По-моему, вы увидели что-то такое... Не раскроетесь ли?

– По-моему... – проговорил фон Штраубе. – Во всяком случае, мне так показалось... Императора скоро... и даже весьма скоро... самым жестоким образом убьют...

В карете послышался металлический шелест – это вздрогнули в своих жестянках братья Пьер и Жак. Комтур тоже вздрогнул и на минуту-другую притих. Потом, вздохнув, произнес все-таки:

– Ах, сын мой, я жалею, что вас об этом спросил... Если бы я только знал ваш ответ!.. Что ж, пускай будет нам обоим наука: мне – что не всегда надо проявлять излишнее любопытство, а вам – что не на все вопросы надо давать столь прямой ответ. Постарайтесь, мой сын, об этом забыть. И чем быстрее вы это сделаете, тем, право, лучше.

И только отец Иероним, будто ничего такого не слышал, знай вглядывался бельмами в свою темноту, что-то почти беззвучно себе под нос нашептывая. Лишь фон Штраубе, обладавший тонким слухом, смог разобрать в его шепоте латинские слова – это были те же самые, что он уже слышал от слепца по дороге во дворец:

– *Ressavi, Dei! Sic, ressavi!..* – И в каком таком грехе он каялся, могло быть ведомо лишь одному Тому, к Кому он обращался

Остальные ехали молча и после неосторожных слов фон Штраубе стараясь не смотреть друг на друга.

Глава IV

Покушение. Фон Штраубе и комтур наносят визиты, а по ходу дела молодой барон узнаёт о людском пороке несколько больше, чем знал до того

Первым на пути был небогатый дом, где снимали себе весьма убогое жилье орденские братья Жак и Пьер. Карета приостановилась, чтобы их выпустить, и они, громяхая жестью, дрожа в этих комедиантских доспехах от холода, быстро устремились к дверям.

Через квартал располагался дом, где жил отец Иероним. Здесь карета тоже остановилась. Фон Штраубе хотел было вылезти вслед за слепцом, чтобы помочь ему найти вход, но слепой жестом дал ему знак оставаться на месте, а сам без всяких поводырей, ничуть не сбившись, зашагал в нужном направлении, будто в самом деле кто-то иной, незримый указывал ему верный путь.

Теперь, когда фон Штраубе и граф Литта оставались в карете вдвоем, комтур решил сказать:

– Не перестаю раскаиваться, сын мой, что давеча спросил вас. Подобные вещи, поверьте мне, никогда не следует произносить вслух.

– Но ведь тут не было никого, кроме орденских братьев, – возразил фон Штраубе.

– Да, оно так, – согласился Литта, – но существуют слова, которые не стоит даже воздуху доверять.

– Но уж воздух-то никому не донесет, – попытался возразить фон Штраубе, однако же граф пожал плечами:

– Кто его знает, здешний воздух... Кроме того, на козлах сидит кучер, а мимо проезжают экипажи...

– Но кучер далеко, а проезжающие экипажи... Не хотите же вы сказать, что из них кто-нибудь способен услышать разговор, происходящий в чужой карете?

И снова комтур плечами пожал:

– Не знаю, не знаю... В этой стране (а я тут живу, как вы знаете, уже немало) у людей какой-то особый слух. Иной раз мне кажется, что тут умеют слышать даже мысли. Во всяком случае, граф Пален каким-то образом о них узнаёт. Посему здесь надо быть вдвойне, втройне осторожным, о любой малейшей неосторожности можно весьма и весьма пожалеть. И языки тут умеют развязывать – вы даже представить не можете как... Впрочем, вы уже приехали. Полагаю, мы еще продолжим этот разговор.

Карета остановилась возле дома, принадлежавшего лекарю Мюллеру, где проживал фон Штраубе, как раз в тот момент, когда к подъезду подходил конногвардейский офицер, поручик Спирин, который жил здесь, в мюллеровском доме, так же, как и барон, во втором этаже.

У подъезда вышла некоторая заминка: и фон Штраубе, и Спирин пытались в знак уважения пропустить один другого впереди себя. Все же Спирин, поскольку был в несколько больших летах, уступил и вошел первым.

И тут...

Что произошло, фон Штраубе понял чуть позже. А в первый миг лишь услышал грохот и увидел, как поручик, едва открыв дверь, свалился точно подкошенный. Из его проломленной головы фонтаном била кровь, и белый Спирина парик мигом сделался красным. Рядом валялась в быстро набежавшей красной луже его треуголка.

Все было в точности как в том видении, что снизошло на барона во дворце.

Фон Штраубе бросился к нему, но первого же прикосновения к пульсу было довольно, чтобы понять, что поручик мгновенно, не успев издать даже стон, отошел в мир иной и звать кого-либо на помощь уже не имеет смысла. Рядом с телом поручика лежало и то, что вызвало его столь стремительную смерть. Это была обвязанная веревками большая каменная балка, при открывании двери свалившаяся с потолка. Балку привязали особым образом – так, чтобы дверь, открывшись, неминуемо вызвала ее падение.

То было убийство, безусловно убийство! Причем убить намеревались вовсе не Спирина, а его, фон Штраубе, и только поручик да случай, точнее ТОТ, КТО РАСПОРЯЖАЕТСЯ СЛУЧАЕМ, спас его от неминуемой смерти.

Ибо убивать таким способом...

О, уж он-то знал, где единственно умели подобным способом убивать!..

.....

Граф Литта еще не успел переоблачиться в домашнее платье, когда фон Штраубе был уже у него.

– Так вы полагаете, что это – вас?.. – проговорил он, выслушав рассказ взволнованного барона.

– А зачем кому-нибудь из Ордена убивать конногвардейского поручика? – ответил тот вопросом на вопрос.

– Вы, стало быть, думаете, что убийца – один из братьев Ордена? – спросил он.

Фон Штраубе вместо ответа лишь посмотрел на него выразительно. Да комтур и сам понимал, что вопрос несколько глуп. Так убивать умели только в Ордене, и способу этому было веков, наверно, шесть. Именно так еще в тринадцатом веке убили комтура дона Сильву, так в веке шестнадцатом убили неугодного Ордену макленбургского епископа, так сто лет назад был

убит венецианский посол. Потом веревки убирались, и все объясняли провидением Божиим, из-за чего камень свалился на голову грешнику.

– Да, я напрасно спрашиваю, – после недолгих раздумий кивнул Литта, – вы конечно же правы... Однако сие означает (поскольку вас я в расчет по понятным причинам не беру), что под подозрением четверо.

– Трое, – поправил его фон Штраубе. – Ибо вас я также в расчет не беру.

– Отчего же? – прищурился граф.

– Оттого, что всего минутой ранее вы меня высадили из кареты, поэтому успеть с необходимыми приготовлениями никак не могли.

– Вы наивны, сын мой. Нет, я, конечно, этого не делал – да и зачем бы мне? Но вы как несостоявшаяся жертва не должны быть столь легковжны. Ведь у остальных орденских братьев тоже нет видимых причин для этого. Что же касается времени, то я бы, к примеру, мог соорудить все это еще поутру, когда вы покинули дом, чтобы направиться ко мне, а затем легко бы сумел, опередив вас, вернуться.

– Нет, – ответил фон Штраубе. – Да простите меня, отец, я о подобном тоже думал. Но такое никак невозможно – ведь мы отсутствовали долго, а в доме проживает более десяти человек, и за это время, вероятнее всего, балка обрушилась бы на голову кому-нибудь другому. Это мог сделать лишь тот, кто знал наверняка, что я вот-вот вернусь.

– Что ж, – сказал комтур, – достохвально, что вы обуздываете чувства разумом и не отрицаете с маху любой возможности, пока не взвесите все pro и contra. Уверен, это еще не раз поможет вам в жизни... Однако, не скрою, рад, что не нахожусь под вашим подозрением, – прибавил он. – Рад потому, что в таком случае вы, возможно, мне доверитесь и выслушаете мой совет.

– О, безусловно! – подтвердил фон Штраубе.

– В таком случае совет мой таков, – сказал граф. – Поскольку на подозрении только трое, а проживают эти трое и вовсе лишь в двух местах, то надо без промедления, сейчас же наведаться к ним, посмотреть, у себя ли они, а главное, взглянуть, как они воспримут ваше внезапное появление в полном здравии.

Фон Штраубе согласился, что так оно, пожалуй, будет вполне разумно. Не тратя времени на переодевание, в несколько шутовских этих кирасах они вышли из дома Литты, тут же остановили экипаж и очень скоро были возле дома братьев Жака и Пьера.

Прислуга, единственная на весь дом, получив от Литты для большего откровения серебряный гривенник, тут же выложила, что те двое “басурман в жлезбх”, едва снявши свои “жлезб”, тотчас куда-то отбыли и воротились назад “вот толькось”.

Граф постучал в дверь их небогатых чертогов, однако никто не спешил открывать. Тогда Литта и фон Штраубе стали колотить уже в четыре руки. Но и после того прошло немало времени, пока дверь наконец отворилась и на пороге появился брат Жак в одном халате на голое тело.

При виде комтура и фон Штраубе он смутился до крайности. Ах, только ли смущение это было? Нет, пожалуй, еще и испуг.

– Граф?... Брат Штраубе?... – проговорил он. – Чем обязан?..

– Одним обстоятельством, – строго сказал комтур, – объяснять кое сейчас не время. По праву старшинства желаю знать, куда вы с братом Пьером отлучались только что.

– Но... мой комтур!..

– Извольте ответить, – перебил его граф.

Из соседней комнаты, наспех одетый, появился брат Пьер. Он-то и дал ответ, очевидно слыша начало разговора:

– Мы с братом Жаком ходили купить вина...

– Хотели согреться, очень уж продрогли, – пояснил брат Жак, розовый от смущения. – Однако же, отец мой...

Комтур снова его перебил:

– Мало вам, что с утра были пьяны?

Братья смиренно опустили глаза.

– Но я сейчас тут не затем, – продолжал граф, – чтобы отчитывать вас за пьянство, на то еще будет время. Сейчас хочу спросить о другом: почему вы отправились сами, коли так продрогли, а не отправили в винную лавку прислугу? – И поскольку рыцари, потупя взоры, молчали, поторопил их: – Я жду немедленного ответа, нечего раздумывать над каждым словом!

– Она бы не пошла... – выдавил из себя брат Жак.

– Прислуга? – удивился комтур. – Она что, сиятельная графиня?

– Она бы не пошла, – пояснил брат Пьер, – потому что хозяин лавки все равно бы не отпустил для нас в долг.

– Ясно, – криво усмехнулся Литта. – Должно быть, уже изрядно ему задолжали. Славную, как я погляжу, ведут жизнь в Санкт-Петербурге монахи Ордена!.. Но почему же он вам-то в долг отпустил?

– Это было не в долг, – угрюмо ответил брат Пьер. – Я отдал ему золотую цепь.

– Бог мой, орденскую цепь?! – вырвалось у комтура.

– Но мы бы выкупили ее у него! – поторопился вставить брат Жак.

– Вскорости непременно бы выкупили, – подтвердил брат Пьер.

– Из каких же это интересно денег, если вы, как тут говорят, в долгах что в шелках? – желчно спросил граф.

– Но... – сказал Пьер.

– Но... – сказал Жак.

Комтур топнул ногой:

– Клещами из вас вытаскивать?!

– Но император, мы так поняли, теперь милостив к рыцарям Ордена, – первым нашелся с ответом брат Пьер, – и мы полагали, что дела Ордена скоро поправятся.

– Они уже поправились, – сухо сказал комтур. – Но именно дела Ордена, а не пьяниц, кои числят себя его монахами. И если вы разумели, что я стану сорить деньгами, чтобы мои монахи пьянствовали безо всякого стыда, то вы, Господь тому свидетель, пребываете в сильном заблуждении. Будучи казначеем Ордена, говорю это вам со всею твердостью, чтобы вы не спустили в винной лавке всю одежду в уповании на то, что я стану ее выкупать. – С этими словами он повернулся к фон Штраубе: – Пойдемте из этого гнезда разврата, мой сын. Теперь, когда мы кое-что прояснили, нам с вами есть, пожалуй, о чем поговорить.

Оставив совсем поникших рыцарей, они покинули дом и уселись в ожидавший их экипаж. Литта приказал кучеру ехать на Фонтанку, где обретался отец Иероним, затем обратился к фон Штраубе:

– Ну и что вы на все это скажете, сын мой?

– По-моему, все достаточно подозрительно, – проговорил барон.

Литта чуть заметно улыбнулся.

– И что же именно? То, что братья пьяницы? Этим, я думаю, было бы трудно вас удивить. Однако вы их все-таки подозреваете. Что ж, я слушаю ваши резоны, а сам возьму на себя роль адвоката дьявола – это зачастую весьма помогает выявлению истины. Итак...

– Они вполне имели возможность, – сказал фон Штраубе, – опередить нашу карету (мы ведь ехали неспеша), подстроить мне ловушку, на обратном пути купить вина и со всем этим обернуться до нашего к ним визита.

– Все так, – согласился Литта, – но хочу вас все же предостеречь. Имели возможность – вовсе не означает, что они это в действительности проделали. Хотел бы услышать от вас более веские подозрения.

– А вы обратили внимание на то, как они держались? Они не могли скрыть, что смущены и даже испуганы; надеюсь, вы заметили это.

– Да, сие безусловно, – кивнул граф. – Но причину их смущения можно, поверьте, объяснить и совсем иначе. По праву адвоката дьявола придержу это на финал... Слушаю вас дальше – ведь вы еще что-то наверняка заметили.

– Вино, – сказал фон Штраубе. – Вы обратили внимание, что за вино стояло на столе?

– Не вы одни столь наблюдательны, – улыбнулся комтур. – Да, это была бутылка “Вдовы Клико”. И какой же, интересно, вывод вы отсюда сделали?

– Вывод – что они были не искренни. Они сказали, что купили вина, дабы согреться. Но “Вдова Клико” не греет вовсе. А это самое дорогое из французских вин, и приобретать его только ради согревания тела способен лишь глупец. Для этого подходят многократно более дешевые русские напитки.

– Bravo! – воскликнул граф. – Оказывается, вы и в подобных материях разбираетесь, мой Штраубе!.. Нет, нет, я сие не в укор вам говорю, а напротив – воздавая должное вашей наблюдательности. Но простите, что перебил. Я весь внимание, крайне любопытно слушать вас.

– “Вдову Клико”, – продолжал фон Штраубе, – сколь мне известно, пьют, празднуя успех. И если они были уверены, что их ловушка оправдала себя и я мертв – то вот вам и повод для празднества. Не думаю, чтобы у них имелись какие-то собственные причины меня убивать, они это могли сделать только по чьему-то указанию, и уж наверняка не бесплатно. Тут можно и цепь заложить в расчете на деньги, которые не замедлятся.

– И снова же bravo! – похвалил его комтур. – Весьма убедительные рассуждения... Но... – вздохнул он, – к сожалению, они чрезвычайно однобоки. Я не берусь утверждать, что вы не правы, однако же надо посмотреть на все и с другой стороны, без того истина неминуемо ускользнет. Те же самые наблюдения позволяют сделать и совсем иные выводы, и действия братьев могли быть куда менее преступны, хотя, увы, тоже греховны. Что касательно меня, то я больше склонен именно к такому объяснению.

– Что вы имеете в виду? – спросил фон Штраубе.

– Что ж, начнем со “Вдовы Клико”. Вы изволили заметить, что его пьют, желая отпраздновать успех. Но упустили то, что его также называют напитком любви. Впрочем, будучи монахом, вы могли этого и не знать.

– Вы хотите сказать, – смутился фон Штраубе, – что они ждали женщин?

– Ах, *sancta simplicitas*! – воскликнул комтур. – Да зачем им женщины?! Разве вы не слышали о прочной связи между мужчинами?! Разве вы не видели, какие взгляды бросают друг на друга братья Пьер и Жак?!

– Вы хотите сказать?.. – Фон Штраубе почувствовал, что краснеет.

– Ровно это самое и хочу, – хмуро подтвердил граф. – И увы, тут я бессилён что-либо сделать. Вы, быть может, не знаете, но еще во времена крестовых походов монахам всех рыцарских орденов самим папой дана была индульгенция на сей счет, дабы уберечь их от другого греха – от плотского соития с сарацинками. Только неискушенный человек вроде вас мог не заметить, что поведение братьев – это поведение неразлучных влюбленных; но я уже достаточно повидал на своем веку, чтобы не суметь этого понять! И вот представьте себе, что молодые любодои после аудиенции у самого императора и после щедрых императорских посулов вдруг уверовали, что сам Господь поможет им вырваться из нищеты. О, они на седьмом небе от счастья! А счастье только подкрепляет любовь. Им не жаль даже фамильной цепи ради любовного напитка – отсюда и бутылка “Вдовы Клико”, появившаяся на их столе. Отсюда и их

смущенный, даже испуганный вид – они ведь, должно быть, решили, что я прибыл изобличить их в грехе... Ну а то, как был одет брат Жак? Уверен, что перед тем, как набросить на себя халат, он был в одеянии Адама. Когда мы ворвались, они уже уготовили себя к самым нежным утехам... Простите, сын мой, что я так подробно все обрисовал, но мы же с вами ищем истину.

– Так что, стало быть, не они? – смущенный услышанным, проговорил фон Штраубе.

– Вовсе не обязательно, – задумчиво отозвался комтур. – Вполне могло быть и по-вашему. Братья Жак и Пьер глубоко порочны, а порок иногда порождает не только грехи, но и преступления. Но преступление должно иметь и иную причину, кроме порочности того, кто его совершает. И пока мы не догадываемся о причине, коя могла бы подвигнуть на это деяние наших орденских братьев, мы не можем водрузить на них всю тяжесть наших подозрений... Однако для полноты картины происшедшего нам предстоит посетить также отца Иеронима. Мы уже приехали. Пойдемте же, сын мой.

Слепец занимал келью в доме французской католической миссии, так и оставшейся тут навсегда после кровавой революции в их стране.

Монах, встретивший орденцев, сказал, что отец Иероним сразу по своем возвращении куда-то снова ушел. Нет, не иначе, кто-то незримый впрямь водил слепца. Как запросто без всяких поводов он ходил по городу и как безошибочно всегда возвращался назад!

Вот куда он только ушел? Причем сразу по возвращении из дворца... Фон Штраубе тотчас позабыл о греховодниках Жаке и Пьере, захваченный теперь уж новыми подозрениями.

– Мы подождем его, – сказал граф Литта.

– Да, да, – склонил перед комтуром голову монах. – Келья отца Иеронима вон там. Проходите, отец мой, она никогда не заперта.

Это была действительно не комната, а монашеская келья. На убогих стенах висели только кресты, самые разнообразные, серебряные, бронзовые, терракотовые, совсем уж древние глиняные, а также кнуты для самобичевания и нателные власяные верви, которыми, видимо, слепец укрощал свою могучую плоть. Единственную обстановку составлял грубый деревянный топчан безо всякого покрытия. Вероятно, отец Иероним спал на нем, укрываясь одним лишь рыцарским плащом и положив под голову Библию. Так орденским послушникам полагалось провести всего одну ночь, накануне посвящения в рыцари Ордена, и то многим приходилось нелегко. Отец же Иероним, словно в назидание орденским неженкам, не отступил от этого и к своим девяноста годам.

Комтур и фон Штраубе присели на этот топчан и принялись ждать.

– Все же странно, что он так быстро ушел... – сказал граф Литта. – Интересно, долго ли нам так сидеть?

И словно в ответ на его вопрос, послышались тяжелые, твердые шаги. Так умел ходить лишь один человек. Затем дверь открылась, и слепец вступил в свою келью.

– Это вы, комтур? – приостановившись, спросил отец Иероним. – А рядом с вами кто?

Это также показалось молодому рыцарю странным. Если слепец, пользуясь каким-то своим, присущим и ему тоже наитием, безошибочно узнал комтура, то почему он столь же легко не опознал и его, фон Штраубе? Быть может, потому, что уже не числил его среди живых?..

Однако, не дожидаясь ответа, слепец сказал:

– А, рыцарь Штраубе. Узнаю и тебя, сын мой. – И никакой взволнованности, никакого разочарования рыцарь не услышал в его голосе. – Что же привело вас ко мне?

– Увы, нас привело к вам весьма печальное обстоятельство, отец Иероним, – вздохнул граф. – Совсем недавно погиб один человек...

И снова никак не изменилось лицо старика.

– Что ж, – невозмутимо сказал он, – мир праху его. Люди погибают, такое нередко случается. Вы, должно быть, хотите, чтобы я помолился за его новопреставленную душу? Я, правда,

только что с моления, но по такому случаю готов лишний раз посетить храм Божий. Впрочем, это, как и молитва к Господу, никогда не бывает лишним...

– Нет, нет, – перебил его комтур, – тем более что убиенный (а его именно что убили!) вовсе не является нашим единоверцем...

– Так же, как наш новый магистр, – с некоторым укором вставил слепец.

Лицо комтура посуровело.

– Да, как и сей великий монарх, – несколько раздраженно произнес он. И в том же тоне продолжил: – Однако погибнуть вместо него мог – даже должен был! – наш орденский брат, юный фон Штраубе.

– Значит, сам Господь уберег нашего орденского сына, – по-прежнему бесстрастно отзывался слепец.

– А вам разве не любопытно узнать, отец Иероним, как это произошло?

– Любопытство, комтур, покинуло меня вместе с умением видеть дневной свет, – ответил суровый рыцарь. – Тем более, уверен, вы сами обо всем сейчас мне поведаете, ведь вы для того и явились, не так ли?

Суровости, однако, и комтуру было не занимать.

– А то, что покушение на рыцаря Штраубе совершил кто-то из орденских братьев, вам тоже нисколько не любопытно? – спросил он.

– И кто же в таком случае? – как о чем-то своеобразном спросил слепец.

– Этого-то мы как раз и не знаем... Пока что не знаем, – подчеркнул граф. – Но думаю, уверен даже – мы узнаем со временем.

– Однако отчего же вы заключили, что именно орденцы причастны к злодеянию?

– Все дело в том, каким образом оно было совершено. Вам, должно быть, известно о хитроумной ловушке, изобретенной много веков тому назад монахом Ордена, неким братом Теофилом?

– Да, камень на веревке, привязанной к дверям, – кивнул отец Иероним.

– Именно! – подтвердил граф.

– Что ж, – спокойно отозвался слепец, – в таком случае усопший долго не мучился...

– Он скончался тотчас, не успев ничего понять, – вставил фон Штраубе.

Слепец кивнул, и что было за этим кивком, одобрение или просто принятие к сведению, знал только сам Иероним да Господь Бог.

– И лишь потому вы заключили, – обратился он к комтуру, – что без орденских братьев тут не обошлось? Но поскольку убийства в этом грешном мире не так уж редки, а убийцы достаточно хитроумны, то почему вы думаете, что за столько веков никому не пришло в голову повторить изобретение ордена Теофила? Для убийства друг друга люди и не до такого додумались. С тех пор появились пушки, мортиры, мушкеты; а тут камень на веревке – эка выдумка!.. Если вы явились, братья, лишь затем, чтобы мне это сообщить, то вы уже сообщили. Я слеп, но не глух. И коли у вас нет ко мне прочих дел, то позвольте мне отправиться к трапезе, в сей обители не любят опозданий.

Оба понимая, что больше от старика ничего не добьешься, рыцари поднялись и молча покинули келью. Спинай фон Штраубе ощущал, что бельма старца нацелены именно на него, но вот что, что было там, в глубинах, за этими бельмами, увы, не ведал никто.

– Поедемте-ка, сын мой, ко мне и попробуем еще раз все взвесить и обсудить, – выйдя из дома и садясь в карету, сказал комтур.

Глава V

Комтур представляет свою диспозицию,
а фон Штраубе узнаёт нечто новое о скрытой жизни
той империи, в которую попал

– Ну, и что вы скажете, сын мой? – спросил комтур, усаживая фон Штраубе за стол. – Однако погодите. Вы все еще, я вижу, сильно взволнованы происшедшим, а излишнее волнение всегда толкает к слишком поспешным выводам. Полагаю, вам необходимо выпить немного вина, это успокаивает. Вы сами знаете, я не поощряю подобное среди рыцарей Ордена, но в вашем случае вижу в том необходимость. Заодно и разделите со мной трапезу.

Граф хлопнул в ладоши, тут же появился его немой слуга Антонио (а нем тот был после того, как лет сорок назад ему за какую-то провинность вырвали язык) и жестами, – хотя слуга был нем, но не глух, именно так Литта привык с ним изъясняться – дал ему распоряжение насчет напитков и трапезы. Фон Штраубе всегда поражало, сколь малозаметными были эти жесты и как безошибочно Антонио их понимал.

Вот и на этот раз все появилось на столе с быстротою необычайной. Лишь после того как граф понудил фон Штраубе сделать несколько глотков недурного в самом деле, очень крепкого, согревающего и душу, и тело вина, он снова приступил к беседе:

– Итак, сын мой, что вы скажете о поведении нашего отца Иеронима?

– Некоторые вещи опять же показались мне странными, – сказал барон, – однако я боюсь снова попасть впросак, как это вышло у меня с братьями Жаком и Пьером.

– И все же?.. А я снова, с вашего соизволения, выступлю в роли адвоката дьявола, чтобы не дать вашей фантазии завести вас слишком далеко. Итак?..

– Ну, во-первых, он, едва зайдя в дом, сразу отправился, как он говорит, на молитву.

– Отец Иероним всегда ходит на молитву именно в это время, – парировал граф.

– Да, – возразил фон Штраубе, – но католический храм был как раз на нашем пути, не доезжая его обители. Он мог там и выйти из кареты.

– И что же, тем самым он вызвал бы у вас меньше подозрений?

– Однако ему прежде зачем-то понадобилось появиться в своей келье, – продолжал фон Штраубе. – Вполне вероятно, что он должен был там что-то взять.

– Например, свои любимые янтарные четки, – улыбнулся Литта. – Или...

– Или, к примеру, веревку, – вставил барон. – С веревкой-то он уж никак не мог появиться во дворец...

– Да... – Теперь граф в раздумье словно бы рассуждал сам с собой. – А каменную глыбу мог заранее спрятать где-то у твоего дома... Добраться мог, подхватив экипаж... Не стану даже спрашивать, как слепому удалось управиться с этой ловушкой, у него руки видят лучше, чем у иного глаза... Да и глыбу эту подтянуть на веревке под самый потолок... Я перед тем смотрел на худосочных наших любодеев Жака и Пьера и думал – какого труда им бы это стоило. А отцу Иерониму с его силищей такое – что пушинку поднять. Все вроде бы стройно, однако тут имеется весьма веское “но”...

– Я еще об одном хочу вам напомнить, – вклинился фон Штраубе. – Когда он вошел в келью, то вас каким-то образом тотчас узнал, а вот меня нет. Быть может, потому...

– ...что считал вас уже мертвым? – закончил комтур за него. – О нет, есть и куда более простое объяснение. У слепцов нюх развит чрезвычайно, а я всегда пользуюсь одной и той же кельнской водой. Меня он узнал просто по запаху. Во всяком случае, это несколько не резон, чтобы строить далеко идущие умозаключения. Куда подозрительнее, вы правы, то, что он не вышел из кареты у храма. Предположение касательно любимых четок тоже нельзя оставлять, но – предположим, предположим... И все же вернемся к главному – к тому самому “но”... Хочу спросить вас: какая у отца Иеронима могла быть причина вас убивать? Если наших братьев любодеев кто-то мог в конце концов и подкупить, то отца Иеронима, как вы и сами наверняка понимаете...

– О нет, никак невозможно, – согласился барон.

– Какие еще бывают причины? – продолжал рассуждать граф. – Скажем, ненависть. Какие чувства испытывал к вам отец Иероним?

– По-моему, он всегда любил меня, – вынужден был признаться фон Штраубе.

– Да, – кивнул комтур, – я того же мнения. Причем любил больше, чем кого-либо в Ордене. Так что ненависть отпадает. Что еще остается? Зависть? Быть может, он завидовал вашей Тайне, вашему высокому предназначению?

– Ровно наоборот, – проговорил фон Штраубе уже смущенно, ибо под давлением доводов графа начинал все более увероваться, что наводил напраслину на слепца. – Он больше, чем кто-либо другой, гордился принадлежностью моей Тайны к Ордену. Во время наших скитаний он оберегал меня от любой беды. Нет, это никак не он! Да как я, право, мог про него такое помыслить?!

Граф, однако, сказал:

– Не надо раскаиваться, сын мой. Раз уж мы стали на путь рассуждений, то любое предположение должно быть взвешено до конца. И это превосходно, что вы пришли к некоему выводу, опираясь не на одни только чувства, но и по здравым размышлениям. Пожалуй что, и я с вами соглашусь – отец Иероним тут ни при чем. И стало быть...

– Стало быть, мы в тупике, – сокрушенно вздохнул фон Штраубе.

– А вот здесь я с вами никак не согласен, – покачал головой Литта. – Мы вступили в лабиринт, а в нем каждый нашупанный и обозначенный тупик – это самая надежная веха на пути к выходу. Плутая, двигаясь покуда на ощупь, мы неуклонно приближаемся к нему, сын мой. Сей тупик обозначил только одно – что надо поискать несколько в стороне. До сих пор мы напоминали, как в той притче, глупца, который ищет потерянную вещь вблизи фонаря, словно лишь там она и могла потеряться. Точно так же мы искали злоумышленника среди орденских братьев, ибо все они для нас, можно сказать, под фонарем. Мы знаем о них почти все, знаем, за вычетом каких-то минут, что и когда они делали, знаем, что каждому из них ведомо устройство старинной орденской ловушки. Но отец Иероним совершенно справедливо сказал, что такое устройство могли изобрести и заново, как заново изобрели тот же порох через много веков после китайцев.

– Но – кто же тогда? – спросил фон Штраубе.

– А вот на этот вопрос, – сказал комтур, – мы найдем ответ не скоро, если найдем его вообще. Слишком огромен этот город. Посему вопрос должен быть задан иначе: не “кто”, а “почему”.

– И вы догадываетесь – почему?

– О, только предположения!

– Каковы же они?

– Мне почему-то кажется, что дело в неосторожных словах, которые вы произнесли в карете, – помните?

– Но в карете не было никого, кроме орденских братьев, – напомнил фон Штраубе.

– А вы вспомните, что я ответил вам тогда, – сказал комтур. – Я ответил, что и воздух здесь обладает слухом.

– Полагаю, вы шутили?

– Нет, я только позволил себе прибегнуть к образу. В действительности же воздух – порой превосходное укрытие для некоторых невидимок.

– Вы верите в невидимок? – удивился фон Штраубе.

– Имел повод поверить, – вздохнул граф. – И это вовсе не привидения из рассказней про старинные рыцарские замки; нет, здешние невидимки пребывают вполне во плоти. И слух у них обычно преотменный. Ну а как бы иначе вы назвали карлика, который однажды ехал на запятках моей кареты, когда я вел беседу на весьма щекотливую тему... (ах, *nomina sunt odiosa* !..) с одним немаловажным лицом? Тогда мне это едва не стоило высылки из России. И

таких карликов, я потом узнал, на службе у здешней Тайной экспедиции не менее дюжины, и все обладают таким слухом, что слышат сквозь стены. Здесь, может быть, еще не выучились так же изящно, как, например, во Франции, писать и изъясняться, но уж слушать здесь умеют, как более нигде, оттого здесь, в отличие от Франции, маловероятны революции.

– Значит, император и наш нынешний гроссмейстер в безопасности? – заключил фон Штраубе.

Комтур покачал головой:

– Он в опасности, и ничуть не меньшей, чем несчастный Людовик Шестнадцатый! Только опасность, подстерегающая его на каждом шагу – это не шумливая революция, а тихий тайный заговор.

– Тихий и тайный, но тем не менее вы о нем знаете...

– Я знаю не о самом заговоре, – возразил комтур, – а, как и многие тут, знаю лишь о том, что такого заговора просто не может не быть. Ибо нынешний император ненавистен слишком уж многим.

– И в чем же причина столь глубокой ненависти к нему? – спросил фон Штраубе.

– Ох, как вы мало знаете о стране, в которую попали, – вздохнул граф. – Это уже само по себе небезопасно. Придется мне представить вам некоторую... Назовем это диспозицией, ибо до баталии, как я чувствую, недалеко. Сию страну населяют лишь дворяне и смерды, а между ними никого, наподобие европейского третьего сословия. Мать нынешнего императора Екатерина (к слову сказать, сына своего глубоко презиравшая) опиралась исключительно на дворян. Да, при ней были и бунты смердов, но то происходило где-то далеко, я бы сказал – бесконечно далеко, если соизмеряться с размерами Европы. Бунты подавлялись, главарей четвертовывали, а императрица счастливо правила в течение тридцати пяти лет. Ибо знала, что щедро ею награждаемое дворянство не воспрянет против нее никогда. Был у нее и ближайший круг фаворитов, по богатству и могуществу превосходивших и монархов иных. Так что она была защищена двойной стеной... С чего же начал правление ее помазанный сын (относящийся, кстати, к памяти матушки ровно так же, как она при жизни относилась к нему самому)? Именно с того, что взломал обе эти стены. С маху отринул от себя всех фаворитов. Осталась всего пара близких ему людей – граф Ростопчин, которого мы имели честь лицезреть, да еще Кутайсов, произведенный в графы из брадобреев. Но и этим ведомо, что в любую минуту могут попасть в опалу ввиду неуравновешенности характера императора. А дворянство, главную опору своей матушки, он низвел почти до положения тех же смердов. Теперь дворянина можно запросто лишить дворянства, что ранее было почти невозможно, прилюдно высечь, в кандалах отправить в Сибирь. Следственно, недовольство императором столь велико, что достаточно одного призыва... И вот я спрашиваю вас – может ли не быть заговора при подобных обстоятельствах?

Слушавший его внимательно фон Штраубе вынужден был согласиться:

– При подобных обстоятельствах заговор должен был созреть уже давно.

– И это понятно не вам одному, – подхватил комтур. – Это понимают здесь все! Оттого в воздухе и растворено столько шпионов... Но и заговорщики соблюдать секретность умеют. Насчет каждого из них у государя имеются лишь смутные подозрения, и более ничего. Так что это, пожалуй, самый странный заговор в мире: всем известно, что он есть, ибо его, как я уже говорил, не может не быть; а вот кто в нем замешан – неведомо. Это несмотря на Тайную экспедицию, на карликов, умеющих прятаться в воздухе. Я, конечно, разумею тех, кто действительно замешан, ибо в смысле настроения замешаны все. Общий их девиз: “Скоро это все лопнет!” И когда государь применяет крайние меры – лишает дворянских титулов, сечет, отправляет в Сибирь – он делает это всегда по отношению к виновным, ибо, хоть и в разной мере, но все тут участники заговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.